

A movie poster featuring a woman in a medieval-style dress standing in a mountainous landscape. She is holding a small plant with roots. In the background, there are mountains, a river, and a partially ruined stone building. The sky is dramatic with clouds and a low sun.

ЗЕМЛЯ ПРИЗНАЁТ ОШИБКИ

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Земля признаёт ошибки

<https://litres.ru/74608567>

SelfPub; 2026

Аннотация

В горной деревне Крайцы признанная ошибка способна укрепить растение или каменную стену — но только если человек действительно исправляет причинённый вред. Травница Яра Лад привыкла помогать другим называть правду, пока Межевой цех не проводит красную границу через её собственный дом.

Старые книги показывают: цех годами присваивал силу чужих исправлений и превращал её в право владеть землёй. Однако дом Яры тоже стоит над засыпанным водотоком и усиливает угрозу оползня. Чтобы защитить деревню, ей придётся раскрыть собственную ложь, отпустить приёмную дочь и разобрать своими руками единственное место, которое она считала неоспоримо своим.

«Земля признаёт ошибки» — фэнтези о цене честности, ремесле и праве на дом, которое нельзя сохранить, перекладывая вред на соседей.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Корень после признания	5
Глава 2. Красная нить	20
Глава 3. Дом тётки Лады	39
Глава 4. Лекарь без трав	58
Глава 5. Ошибка даёт рост	78
Глава 6. Террасы Крайцев	95
Глава 7. Чужое раскаяние	120
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Лея Мирская

Земля признаёт ошибки

От автора

Ошибку легко превратить в клеймо. Гораздо труднее увидеть в ней начало работы: назвать, кому и чем навредил, выслушать ответ и сделать то, что действительно уменьшит последствия.

Эта история происходит в горах, где такое исправление способно укрепить корень растения и каменную стену. Но даже там признание не становится заклинанием, которое отменяет прошлое. Оно не возвращает доверие по требованию и не даёт права владеть теми, перед кем человек признался.

Я хотела рассказать о доме, который нельзя спасти любой ценой, о заботе, способной стать тесной, и о земле, не различающей красивые слова без сделанного следом дела.

Глава 1. Корень после признания

Жарница погасла у Яры в руке, когда мальчик перестал кричать.

Это было плохое молчание.

Минуту назад Лек бил пятками по лавке и вырывался из рук матери. Теперь лежал неподвижно, только грудь под полотняной рубахой поднималась часто и мелко. На левом предплечье вздулся пузырь от запястья до локтя. Он опрокинул горшок с кипящим жиром, пока мать относил соседке хлеб.

Яра поднесла корень ближе к лампе. Обычно свежая жарница светилась внутри янтарём, если разломить её вдоль белой жилки. Этот корень едва тлел на краях. Сока выступило мало, запах был не медовый, а пыльный.

— Почему ты остановилась? — спросила мать мальчика.

— Потому что растение слабое.

— Ты же сама его принесла.

— Сама.

За окном глухо ударил весенний гром. До настоящей грозы было рано: снег лежал в верхних лощинах, ночами вода схватывалась коркой. Но над пограничным хребтом уже второй день ходили тёмные облака, и старики говорили, что склон просыпается сердитым.

Яра не верила в сердитые склоны. Склон мог быть мок-

рым, перегруженным или плохо укреплённым. Сердитыми бывали люди, которые не хотели назвать причину.

— Дай чистую миску, — сказала она.

Мать бросилась к полке. Яра тем временем осмотрела ожог. Кожа вокруг пузыря была красной, но пальцы у мальчика оставались тёплыми и чувствительными. Он вздрогнул, когда она коснулась ногтя. Значит, молчал не от обморока. Просто устал кричать.

— Лек, слышишь меня?

Он кивнул.

— Сейчас будет больно ещё немного. Потом легче. Не терпи молча, если станет хуже.

Мальчик снова кивнул, уже сердито. Хороший знак.

Яра налила в миску прохладную воду из кувшина. Не ледяную: снегом такой ожог можно было испортить сильнее. Опустила туда чистое полотно, отжала и накрыла руку. Жарница лежала рядом, бесполезная, хотя утром корень казался крепким.

Терен Мошь сказал бы, что она слишком доверяет грядке. Он промыл бы ожог, наложил мазь из воска и горького масла и не ждал бы света от растения. Сегодня его не было в Крайцах: ушёл на Верхнюю тропу к роженице. Посылать за ним означало потерять три часа.

Яра сняла с пояса маленький нож и срезала ещё один ломтик корня. Мякоть потемнела сразу.

Не болезнь. Не мороз. Ошибка ухода.

Она перебрала в памяти последние дни. Жарницу посадила осенью на второй террасе. Перед первым снегом добавила толчёную скорлупу, весной сняла укрытие. Три дня назад полила грядку водой из верхнего желоба, хотя земля под листьями ещё была холодной. Спешила: к дому пришли две женщины за средством от кашля, Ниса звала помочь с каменной рамой, а из цеха принесли требование переписать запасы.

Яра сунула палец в разлом корня и почувствовала под кожей водянистую пустоту.

Слишком много воды.

Обычное растение просто ослабло бы. Жарница запоминала ошибку выращивающего и ждала, когда тот назовёт её вместе с исправлением. Если сказать правду и ничего не сделать, корень не просыпался. Если сделать что-нибудь не связанное с вредом, тоже.

— Мне нужно выйти, — сказала Яра.

Мать мальчика уставилась на неё.

— Куда?

— На грядку. Полотно менять, когда станет тёплым. Вода в кувшине чистая.

— Ты оставишь его ради растения?

— Я иду исправить растение, чтобы лечить его.

Объяснение прозвучало хуже, чем было. Яра увидела это по лицу женщины.

— Если начнёт дрожать, если пальцы побелеют или он пе-

рестанет отвечать, кричи в окно. Я буду под домом.

Она взяла корзину с остальными корнями и вышла.

Дом стоял на краю третьей террасы, задней стеной к склону. Тётка Лада выстроила его из серого камня за десять лет до рождения Яры. Потом добавила кухню, погреб и узкий навес для трав. Крыша с северной стороны почти касалась земли, а с южной под окнами открывался вид на всю деревню: ступени огородов, каменные стены, ручей внизу и дорогу, уходящую через седловину к городу.

Яра сбегала по мокрым ступеням к второй террасе. Жарница росла тремя длинными рядами. Её узкие листья лежали на земле, будто кто-то пригладил их ладонью. Вода стояла между бороздами тёмными полосами.

Она ошиблась не один раз.

Три дня назад увидела лужи и решила, что ветер высушит их к ночи. Вчера заметила серые концы листьев, но срезала два худших и унесла в яму, не проверив корни. Сегодня выдернула десяток растений на лекарство, потому что Лек был не первым обожжённым ребёнком в деревне и запас требовался всегда.

Можно было выбрать одну красивую ошибку: «я полила слишком рано». Корень, возможно, дал бы слабый свет. Так делали на ярмарке торговцы признаний — называли малую часть, получали вспышку и продавали её за силу. Через неделю товар гнил.

Яра поставила корзину в грязь.

— Я полила жарницу, когда холодная земля не принимала воду, — сказала она вслух.

Никто не ответил. Признание не требовало толпы, но требовало тех, кому нанесён вред. Растение считалось живым свидетелем только после первого исправления. Пока Яра просто говорила в воздух.

Она взяла мотыгу и прорыла поперёк грядки узкий сток. Вода не пошла. Нижний край террасы был забит прошлогодней глиной. Яра выругалась, опустилась на колени и стала выбирать землю руками. Под ногтями быстро набилась чёрная жижа. Из стены торчал плоский камень; она раскачала его, вытащила, и мутная вода тонкой струёй потекла в пустую канаву.

— Я увидела серые листья вчера и скрыла их от себя, потому что не хотела потерять запас.

Она выдернула одно больное растение целиком. На корнях висели мягкие белые нити. Гниль уже началась. Яра отложила здоровую на вид часть, потом передумала и бросила весь куст в отдельное ведро. Придётся сжечь. Если пожалеть сейчас, через неделю заболеет соседний белый щавель.

— Сегодня я взяла слабые корни для лечения, не разломив один на грядке.

Это признание относилось уже не только к растениям. Лек лежал наверху с обожжённой рукой. Его мать имела право услышать.

Яра вымыла ладони в бегущей воде, взяла самый крепкий

куст с сухого края грядки и вернулась в дом.

— Я ошиблась, — сказала она с порога.

Мать мальчика прижимала к его руке новое полотно. В глазах у неё стояли слёзы и злость.

— В чём?

— Перелила жарницу. Вчера увидела признак гнили и не проверила всю грядку. Сегодня принесла слабый корень к твоему сыну.

— Ты могла сделать хуже?

— Могла. Первый сок почти не подействовал. Он не обжёт кожу и не отравил Лека, но я потеряла время.

Женщина посмотрела на сына.

— Что ты исправила?

Яра не ожидала вопроса. Обычно люди спрашивали, стало ли лекарство сильным.

— Отвела воду. Отделила больные растения. Сейчас разломлю новый корень здесь. Остальной запас проверю и заражённое сожгу.

— А руку?

— Сначала охлаждаем. Потом тонкий слой сока по краям, не на вскрывшийся пузырь. Если жарница не проснётся, обойдёмся воском и маслом до возвращения Терена.

Мать кивнула не потому, что простила, а потому, что услышала план.

Яра разломил корень.

Янтарный свет медленно наполнил белую жилку. Не

вспыхнул, как в рассказах, а поднялся из глубины, будто тёплая вода. Запах мёда стал сильнее. На ладони выступил прозрачный сок.

Лек открыл глаза шире.

— Красиво, — прошептал он.

— Для красоты у нас лампа, — сказала Яра. — Это должно лечить.

Она смазала кожу вокруг ожога. Мальчик зашипел, потом выдохнул. Напряжение ушло из плеч. Янтарная полоска на корне погасла: сила не оставалась навсегда, её хватало на конкретное исправление.

Через четверть часа Лек попросил воды. Через полчаса начал жаловаться, что хочет домой. Яра сочла это лучшим признаком за утро.

Она дала матери банку простой мази и велела привести мальчика вечером. Женщина завернула банку в платок, потом задержалась у двери.

— Я заплачу половину.

— Лек получил лечение.

— После твоей ошибки.

Яра хотела возразить: корень она вырастила, воду отвела, лекарство всё-таки действовало. Но половина платы была частью вреда, который женщина имела право назвать.

— Половину, — согласилась Яра. — И следующий осмотр без платы.

— Если станет хуже, пойдём к Терену.

— Если станет хуже, позовёте и его, и меня.

Когда дверь закрылась, Яра прислонилась лбом к холодному камню косяка. Пальцы пахли землёй и мёдом. На полу остался тёмный ломтик первого корня.

— Ты опять лечишь признанием? — спросил голос с лестницы.

Ниса сидела на третьей ступени и затягивала ремень на рабочем сапоге. Короткие волосы торчали после сна, на щеке отпечатался край подушки. Рядом лежал молоток с новым ясеновым черенком.

— Я лечу растением, — ответила Яра. — Признание исправляет мой уход.

— Мать Лека вышла так, будто собирается кинуть банку тебе в окно.

— Имеет право злиться.

— Ты вернёшь плату?

— Половину.

Ниса хмыкнула.

— Значит, признавать ошибки дорого.

— Не признавать дороже.

— Это ты говоришь только о грядках.

Яра подняла голову. Ниса уже отвернулась и проверяла, не шатается ли молоток. Последние две недели они разговаривали вокруг чего-то, чему дочь не давала имени. Яра ждала, что та сама начнёт. Ниса, похоже, ждала того же.

— Ты опоздаешь к каменщикам, — сказала Яра.

— Не опоздаю. Сегодня они на нижней стене.

— Там мокро после снега. Не стой под свежей кладкой.

— Я знаю.

— И не бери известь голыми руками.

— Я знаю.

— Если мастер пошлёт тебя под нависающий край...

— Яра.

Ниса называла её по имени редко. В детстве говорила «мама», потом оба слова чередовались без правила. Теперь имя означало: хватит.

Яра прикусила язык.

Снаружи звякнул металл. Не обычный стук ведра или лопаты — короткий, ровный удар о камень. Потом второй. Так межевика вбивали колышки.

Ниса первая распахнула дверь.

На тропе перед домом стояли трое в серо-зелёных плащах. Один держал моток красной нити, второй — железные колья, третий читал раскрытую книгу. Старшего Яра узнала сразу. Остром Верес приезжал в Крайцы каждую весну проверять границы. Высокий, сухой, с белой полосой волос над левым виском, он всегда снимал перчатки перед тем, как прикоснуться к земле.

Сегодня не снял.

Молодой межевик вбил первый колышек у навеса для трав. Красная нить протянулась к дороге.

— Не бей по корням, — сказала Яра, выходя. — Под на-

весом сушильная грядка.

Парень остановился. Остром поднял глаза от книги.

— Доброе утро, Яра Лад.

— Для кого?

— Для тех, кто предпочитает ясную границу спору.

— Моя граница отмечена стеной.

— Стена стоит не по книге.

Ниса вышла следом, уже с молотком за поясом. Яра почувствовала это, не оборачиваясь.

— Какая книга? — спросила она.

Остром повернул переплёт. На тёмной коже был выжжен знак Межевого цеха: раскрытая ладонь над тремя ступенями. Яра видела такие книги у старосты, но эта была старше, с медными уголками и вздутыми от влаги страницами.

— Первая опись Крайцев, — сказал он. — Дом Лады поставлен на общинной полосе водного прохода. Пристройка кухни пересекла её окончательно. После последнего решения пограничной палаты цех обязан освободить проход до таяния верхнего снега.

— Лада получила землю от деревни.

— Под жильё. Не под перекрытие воды.

— Здесь нет воды.

Остром посмотрел на мокрый склон над крышей.

— Пока нет.

Яра подошла к книге. Запись была сделана старыми чернилами, буквы расползлись. Она разобрала имя тётки, меру

участка и слова «сухой ход». Ниже шёл новый текст с печатью палаты.

— Кто подавал спор?

— Цех.

— Сам нашёл ошибку, сам назвал вред, сам получил решение?

— Вода не обязана подавать жалобу.

— А деревня?

— Староста уведомила.

Ниса наклонилась к красной нити. Она шла от навеса к углу кухни, дальше должна была пройти прямо через дом.

— Вы что, стену так отметите?

Молодой межевик отвёл взгляд.

Остром ответил спокойно:

— До конца месяца строение на полосе разбирают. Цех предоставит место для временного жилья ниже дороги.

Яра рассмеялась. Звук получился коротким и неприятным.

— Ниже дороги весной стоит вода по колено.

— Участок осушат.

— Кто?

— Те, кто признает обязанность.

Теперь она слышала не только слова. Красная нить между кольями слегка дрожала, хотя ветра не было. В железе теплится тусклый свет, похожий на жарницу перед пробуждением.

Яра присела у первого колышка. На металле теснились насечки. Не имена — короткие фразы: «не расчистил», «поставила выше», «срубили лишнее», «промолчал». Десятки признаний, отрезанных от людей и дел.

Она коснулась одной насечки ногтем. В пальце кольнуло.

— Чьи это ошибки?

Молодой межевик натянул нить сильнее.

— Записи цеха.

— Я спросила, чьи.

— Жителей хребта, — сказал Остром. — Каждый признал вред земле.

— И исправил?

— Исправление продолжается.

Это была ловкая фраза. Не ложь, которую можно схватить, а дверь без ручки.

Яра вынула из корзины больной корень жарницы и положила рядом с колышком.

— Вот растение после признания без полного исправления. Снаружи целое. Внутри вода и гниль. Хотите провести границу такой силой через мой дом?

Остром впервые посмотрел на корень с настоящим вниманием.

— Ваши грядки снова заболели?

— Я исправляю свою ошибку.

— Вы слишком долго считали это личным делом. Вода, лес и склон не заканчиваются у вашей стены.

— Мой дом тоже не начинается в вашей книге.

— Начинается. И заканчивается там же.

Он дал знак молодому межевику. Тот поднял молот.

Ниса шагнула между ним и стеной.

— Попробуй.

— Отойди, — сказала Яра.

— Они ставят кол в нашу кухню.

— Я вижу.

— Тогда почему я должна отойти?

Потому что межевик был тяжелее её. Потому что палата могла назвать сопротивление признанием вины. Потому что Яра уже представила, как железный молот попадает Нисе по руке. Все ответы были о страхе, и ни один не давал ей права передвинуть дочь как вещь.

— Не стой под ударом, — сказала она. — Но решай сама.

Ниса посмотрела на неё быстро, почти недоверчиво, и отступила на полшага. Не ушла.

Остром закрыл книгу.

— Сегодня мы только отмечаем. До разбора у старосты нить не затягивают на строении.

— Когда разбор?

— Через три дня.

— Почему уведомление пришло после кольев?

— Оно пришло раньше.

— Куда?

— Старосте.

Яра посмотрела вниз, туда, где над крышами Крайцев поднимался дым от дома Саи Рут. Староста знала и молчала.

Молодой межевик вбил второй кол у кухонного окна. Красная нить легла поперёк двери. Яра могла перерезать её ножом. Это ничего не решило бы: сила была в железе и записях, а новая нить нашлась бы в сумке.

— Три дня, — повторил Остром. — Принесите наследственную запись Лады, разрешение на пристройку и свидетельства очистки водного прохода.

— Если проход сухой семьдесят лет, какие свидетельства вы ждёте?

— Именно это и предстоит выяснить.

Он пошёл дальше по тропе. Межевики разматывали нить от дома Яры к соседней террасе. Значит, спор касался не только её кухни.

Ниса дождалась, пока они отойдут, и тронула красную нить рукоятью молотка. Та загудела.

— В ней плохая связка, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— Так звучит раствор, если сверху схватился, а внутри пустой. Мастер показывал.

Яра подняла больной корень. Тот же быстрый рост, та же пустота внутри. Межевой цех натянул через деревню силу признаний, не доведённых до исправления.

Из дома позвал Лек. Он вернулся с матерью раньше вечера: повязка промокла, но боль не усилилась. Яре пришлось

отложить книгу, нить и злость. Сначала она промыла ожог и проверила пальцы.

Когда закончила, красная линия всё ещё проходила через кухонную дверь.

Она переступила её, не разрывая, и спустилась к большой грядке. Вода уже ушла из борозд. Теперь нужно было выкопать каждый корень, разрезать и решить, что можно сохранить. Работа заняла бы весь день.

Через три дня ей предстояло доказать право на дом.

Но прежде Яра должна была понять, какую ошибку этот дом скрывал под собой и кто собирался получить силу, когда она её признает.

Глава 2. Красная нить

К полудню красная нить пересекла три двора, две лестницы и общий желоб, по которому талая вода уходила к ручью.

Яра видела её с грядки всякий раз, когда выпрямляла спину. Нить шла от кола у её кухни вниз по склону, исчезала за крышей вдовы Ровы и снова показывалась возле сушильни шерсти. На солнце она казалась обыкновенной крашеной бечёвкой. В тени от неё ложился красноватый отсвет, будто внутри тлел уголь.

Жарницу приходилось вынимать куст за кустом. Здоровые корни Яра складывала на чистый холст, больные — в старый медный таз для сжигания. Граница между ними была не всегда видна. Один корень пах мёдом, но под ножом обнаруживал серое кольцо. Другой выглядел вялым, зато внутри оставался белым и плотным. Решать на глаз было нельзя.

С нитью, подумала Яра, то же самое.

Она отрезала последний серый кончик и слышала крик снизу.

— Уберите это с моей двери!

Кричала Рова. Через минуту в ответ заговорил мужчина из цеха — ровно и неразборчиво, как человек, привыкший повторять одно и то же. Потом что-то звякнуло. Яра бросила нож на холст, вытерла руки о передник и пошла вниз.

У дома Ровы собрались соседи. Красная нить проходила

через деревянный приступок и была закреплена кольями по обе стороны двора. Вдова стояла на пороге, прижимая к груди пустую корзину. Её козы сбились за плетнём и мекали, не понимая, почему хозяйка не выпускает их к верхнему выгону.

Молодой межевик, который утром забивал кол у Яриной кухни, держал раскрытую книгу. Теперь Яра узнала его: Бран Керн, племянник каменотёса с Северной седловины. Два года назад он измерял общинный лес и трижды переделывал запись, потому что одна сосна оказалась помечена сразу двумя деревьями. Тогда его тщательность всем нравилась.

— Проход свободен, — говорил Бран. — Нить не запрещает пользоваться дверью.

— Она выше колена, — ответила Рова. — Мне через неё прыгать с ведром?

— До разбора это только отметка.

— Отметь на земле.

— По земле её затопчут.

Рова поставила корзину и взялась за нить. Яра успела перехватить её запястье.

— Не голой рукой.

— А чем? Зубами?

— Дай посмотреть.

Рова дёрнулась, но руку освободила. На ладони осталась тонкая красная полоса. Не порез — кожа была целой. Полоса медленно темнела, словно под ней проступал след от кра-

пивы.

Яра понюхала пальцы вдовы. Железо, мокрая шерсть и слабая горечь, знакомая по больной жарнице.

— Кто признавался на этом участке? — спросила она у Брана.

Он закрыл книгу пальцем на нужной строке.

— Здесь не хранятся имена без разрешения палаты.

— Тогда прочитай поступки.

— Зачем?

— Нить обожгла Рову.

Бран посмотрел на ладонь.

— От краски бывает раздражение.

— Краска не пахнет гнилым корнем.

Люди вокруг заговорили. Рова подняла ладонь повыше, и красная полоса стала убедительнее любой речи. Бран оглянулся в поисках Острома, но старший ушёл дальше с третьим межевиком.

— Записи законны, — сказал он уже тише.

— Я спросила не о законе.

Яра присела возле кола. Здесь насечек было больше, чем у её дома. Они шли узкими рядами, одни свежие и светлые, другие забитые ржавчиной. Она не касалась железа, только читала ближайшие: «не вывел стадо», «оставил мокрый камень», «взяла общий торф», «не починили до снега».

— Рова, твоя ошибка здесь есть?

Вдова поджала губы.

— Я не обязана исповедоваться посреди улицы.

— Не обязана. Скажи только, давала ли ты цеху признание.

— Осенью. Коза проломила плетень и объела саженцы у Саи. Я сказала это при Бране. Потом купила два новых саженца и сама поставила изгородь.

— Исправление записали? — спросила Яра.

Бран раскрыл книгу и провёл пальцем по странице.

— Ущерб признан. Два молодых дерева переданы пострадавшей стороне.

— А изгородь?

— Изгородь не входила в требование.

Рова фыркнула.

— Зато без неё коза съела бы и новые.

Яра указала на ближайшую насечку. Та чуть светилась по краям.

— Это её слова?

Бран не ответил.

— Если признание завершено исправлением, почему оно питает ваш кол, а не изгородь?

— Межевой знак получает силу от записи решения.

— Это не ответ.

— Это устройство цеховой связки.

— Значит, вы забрали остаток силы после чужой работы.

Бран покраснел до ушей. Не от стыда — от злости человека, чьё аккуратное правило назвали воровством.

— Цех сохраняет решения, чтобы спор не начинался заново. Без знака через год сосед скажет, что никаких саженцев не было.

— Запись сохраняет решение. Зачем ей жечь руку?

На это у него ответа не нашлось.

Ниса пришла сверху, перескакивая через две ступени. За поясом у неё висел молоток, а на плече лежала короткая доска с отвесом. Следом шёл мастер каменщиков Даган — широкий, седобородый, с известью на руках.

— Работать не даёте всей улице, — сказал он вместо приветствия. — Нижнюю стену надо закрыть до дождя, а у меня ученица бежит мерить чужую верёвку.

— Не верёвку, — сказала Ниса. — Связку.

Она положила доску одним концом на камень приступка, другим подвела под нить, не касаясь её. Маленький медный отвес дрогнул и отклонился к колу.

— Видите? — Ниса повернулась к Дагану. — Тянет не по склону. К железу.

— Вижу кривую доску.

— Ты сам её строгал.

Даган забрал доску, проверил ребро большим пальцем и повторил измерение. Отвес снова ушёл в сторону кола.

— На моей стене так было? — спросил он.

— Когда мы сняли верхние камни. Раствор снаружи звенел, а внутри сыпался.

— Потому и сняли.

— А если бы поверх натянули ещё один ряд, стена просто-
яла бы до первого ливня. Здесь то же самое. Нить держится
не своей работой. Она высасывает сцепление оттуда, где лю-
ди уже что-то починили.

Бран шагнул к доске.

— Межевую связку нельзя мерить каменщицким отвесом.

— Почему?

— Потому что это разные ремёсла.

— Камню всё равно, как называется человек с молотком.

Вокруг засмеялись. Бран закусил щёку. Яра заметила, как
Ниса довольно вскинула подбородок, и одновременно уви-
дела, что та стоит слишком близко к натянутой нити.

— Отойди на шаг, — сказала Яра.

Улыбка исчезла.

— Я знаю, где стою.

— Она обожгла Рову.

— Поэтому я работаю доской.

— Ниса.

Дочь не сдвинулась. Даган посмотрел сначала на неё, по-
том на Яру и молча убрал ладонь с доски. Это было хуже за-
мечания: он оставлял ученице право решить самой.

Яра почувствовала знакомое желание взять Нису за ло-
коть и переставить в безопасное место. Точно так же она пе-
реставляла горшки перед морозом и закрывала ставни перед
градом. Но Ниса не была горшком, а красная нить не стано-
вилась менее опасной от материнского окрика.

— Обожгло после прикосновения, — сказала Яра. — Пока не трогаешь, явного вреда нет. Если почувствуешь тепло в доске, бросай её, не тяни на себя.

Ниса кивнула. Не благодарно, просто принимая полезное сведение.

— Даган, — продолжила Яра, — можно проверить её догадку на исправленной кладке?

Мастер почесал бороду.

— Можно. Только мою стену ради проверки ломать никто не будет.

— Ломать не надо, — сказала Ниса. — Я знаю место, где мы вчера заменили камень.

Они пошли к нижней террасе. Рова осталась у двери и велела соседскому мальчишке принести старое одеяло, чтобы накрыть нить и выпускать коз. Бран двинулся за Ярой: оставить толпу возле межевого знака без надзора он уже не мог.

Красная линия вела их почти тем же путём. У дома гончара она срезала угол навеса. Возле колодца прошла поверх общего желоба. У сушильни пересекла лестницу так низко, что люди перешагивали её, приподнимая подола. Каждый кол стоял там, где земля была недавно исправлена: возле новой подпорки, очищенного стока, заменённой ступени.

Яра стала замечать это не сразу. Цех не выбирал самые удобные места для прямой границы. Нить изгибалась, будто искала чужую работу.

— Почему здесь поворот? — спросила она Брана у колод-

ца.

— По старой меже.

— Старая межа шла через воду?

— До колодца здесь был каменный сборник.

— А этот желоб чистили осенью всем селом.

— Возможно.

— Ты был здесь. Записывал, кто не пришёл на работу.

— Я записывал решение схода.

— И поставил кол рядом с местом, которое очистили те, кто пришёл.

Бран нахмурился и впервые посмотрел не на книгу, а на путь нити впереди. Взгляд его задержался на каждом новом камне.

Нижняя стена удерживала широкую террасу с огородами. Вчера каменщики разобрали просевший участок, заложили основание крупными плитами и успели поднять четыре ряда. Свежий раствор был накрыт мокрой мешковиной. Красная нить проходила в пяти шагах выше и крепилась к колу возле старой рябины.

— Здесь, — сказала Ниса.

Она сняла мешковину с крайнего камня. Известь ещё не побелела, шов оставался серым и влажным.

— Что было не так? — спросила Яра.

Даган ответил сам:

— Осенью я велел положить верх на старое основание. Торопился до снега. Ниса сказала, что нижняя плита кача-

ется, а я не стал разбирать. Весной стену повело.

— Ты признал ошибку?

— Перед артелью и владельцами огородов. Сняли двадцать семь камней, вынули рыхлую землю, поставили новую плиту. За мой счёт два рабочих дня.

Он говорил без торжественности. Ошибка была неприятной частью работы, не праздником раскаяния.

— Когда закончили исправлять? — спросила Яра.

— Вчера основание. Верх ещё не закончен.

Ниса установила доску поперёк свежего шва. Отвес висел ровно. Тогда она стала медленно передвигать доску к рябине. На расстоянии трёх шагов груз качнулся. В двух шагах заметно отклонился к колу.

Даган присел и провёл костяшками пальцев по кладке. У края шов звенел ясно. Ближе к рябине звук стал глуше.

— Вчера такого не было, — сказал он.

— Раствор сохнет неравномерно, — возразил Бран.

Даган выпрямился.

— Мой раствор сохнет к воздуху, а не к вашей палке.

Яра достала из сумки здоровый корешок жарницы. Она взяла его с грядки после отвода воды, когда закончила первое исправление. Сейчас белая жилка светилась ровным слабым янтарём.

— Положи возле стены, — попросила Ниса.

— Зачем?

— Камень и корень звучат по-разному, но пустота у них

одна. Ты сама сказала.

Яра положила корень на крайний камень. Свет не изменился. Передвинула ближе к рябине — янтарная жилка побледнела. Возле кола корень стал серым, как утренний больной срез.

У людей за спиной вырвался общий вздох.

— Убери, — сказал Даган.

Яра отнесла корень к стене. Через несколько мгновений свет вернулся, но уже не полностью.

Бран стоял неподвижно. Потом быстро открыл книгу и стал искать нужную страницу.

— Этот знак поставлен сегодня, — сказал он. — Он не мог повлиять на вчерашнюю кладку.

— Нить натягивали от верхнего кола, — ответила Ниса. — Может, он тянул ещё до того, как вы дошли сюда.

— Связка действует после замыкания межи.

— Межа замкнута?

Бран перелистнул страницу назад, потом вперёд.

— Не полностью.

— Тогда откуда сила?

Он захлопнул книгу.

— Я позову старшего.

— Позови, — сказал Даган. — И принеси кирку. Если мой новый шов к вечеру начнёт сыпаться, я выну ваш кол сам.

— Повреждение межевого знака считается признанием спора.

— Нет, парень. Признанием будет, если я скажу, что вынул. А я скажу громко.

Бран ушёл вверх быстрым шагом. Люди расступались перед ним, но никто больше не смеялся.

Яра накрыла корень влажной тканью. Он был нужен Леку вечером. Теперь его сила уменьшилась из-за одного короткого приближения к колу. Если вся линия тянула исправление из грядок, стен и желобов, ущерб уже начался.

— Надо снять нить, — сказала Рова, догнавшая их с одеялом под мышкой.

— Снимем — они обвинят деревню в сопротивлении, — ответил кто-то.

— А оставим — у нас стены посыплются.

— Не все стены, — сказал Даган. — Пока мы знаем только про этот край.

Яра посмотрела вверх. Красная нить поднималась от рябины к её дому. Возле каждого изгиба блестел мокрый или свежий камень.

— Проверим все колья, — сказала она. — Не трогаем железо и нить руками. Записываем, какая работа рядом, кто признал ошибку и что сделал для исправления. Если сила уходит в кол, к разбору у нас будут не крики, а места и имена.

— Цех имён не даст, — сказала Рова.

— Люди дадут, если захотят.

— А если не захотят рассказывать свои ошибки перед всей деревней?

Яра вспомнила, как сама сегодня говорила матери Лека о больном корне. Признание легко превратить в зрелище, после которого никто не хочет быть честным.

— Пусть говорят только о сделанном исправлении. Без подробностей, если они не нужны для проверки. Мы ищем не виноватых. Мы ищем, куда ушла работа.

Даган выделил Нисе доску и отвес до вечера. Рова принесла уголь и обрывки упаковочной бумаги. За час у них набралось семь мест.

У колодца отклонение оказалось сильнее всего возле очищенного желоба. У дома гончара нить тянула от навеса, который тот заново поставил после того, как его старая крыша обрушилась на соседские кувшины. Возле овечьего загона железо отзывалось на новые ворота: хозяин прошлой зимой забыл запереть старые, и стадо вытоптало общий сенокос. Он не хотел рассказывать это при всех, но показал запись о купленном сене и сам провёл доской от ворот к колу.

В четырёх местах исправленная вещь слабела рядом с нитью. В двух ничего не менялось. У седьмого кола отвес качался сразу в обе стороны, и Ниса долго ползала по мокрым камням, пока не нашла под землёй старый железный обруч. Это было обычное притяжение, не цеховая сила. Она зачеркнула находку на бумаге сама.

— Можно было оставить, — заметила Рова. — Для убедительности.

— Тогда Остром найдёт обруч и скажет, что мы придума-

ли всё остальное, — ответила Ниса.

Яра ничего не сказала, но запомнила эту фразу. Ниса умела не только спорить. Она умела беречь правду от удобного украшения.

К вечеру вернулся Остром. Он пришёл один, без Брана, и прежде всего осмотрел свежую кладку. Даган заставил его простучать каждый шов. Старший снял перчатку, приложил ладонь к камню, потом к колу. Лицо его осталось спокойным.

— Связка берёт излишек, — сказал он.

— У исправления нет излишка, пока стена не закончена, — ответила Ниса.

Остром посмотрел на неё внимательнее, чем утром.

— Ты ученица?

— Каменщица.

Даган кашлянул в бороду, но не поправил.

— Тогда знаешь, что свежая кладка отдаёт влагу и силу, — сказал Остром.

— Влагу — воздуху. Силу — тому, что исправляет. Ваш кол ни стену не держит, ни воду не отводит.

— Он удерживает решение о земле.

— Чьё решение исправил этот камень?

Остром перевёл взгляд на Яру.

— Вы привели ребёнка на межевой спор.

Ниса побелела.

— Мне семнадцать.

— И она пришла как работница артели, — сказала Яра.

— Отвечай ей, а не мне.

Слова дались трудно. Ещё труднее было не добавить, что Ниса всё равно её дочь и что Остроуму следует выбирать выражения. Но защита, отнимающая у Нисы голос, была бы подарком Остроуму.

Он снова повернулся к ней.

— Камень исправляет ошибку мастера. Цеховой знак закрепляет признание, чтобы мастер не смог завтра от него отказаться.

— Даган может отказаться словами, — сказала Ниса. — Камень от этого не вернётся в старое основание. Работа уже сделана. Почему знак получает силу после неё?

— Потому что без записи исправление принадлежало бы только сильному. Вдова не докажет, что сосед вернул долг. Ученик не докажет, что мастер признал плохую кладку. Цех хранит след.

— Хранить след и забирать силу — не одно и то же, — сказала Яра.

Остром надел перчатку.

— Вы говорите о силе так, будто её можно сложить в мешок и украсть. Связка распределяет её по всему спорному склону. Если весенняя вода ударит, отдельная хорошая стена не спасёт Крайцы.

— А ваши колья спасут?

— Единая межа позволит цеху отвечать за водный проход, лес и террасы. Сейчас каждый чинит возле своего порога и

оставляет беду соседу ниже.

Яра невольно посмотрела вверх, на собственный дом. Под его кухней, по словам книги, проходила старая вода. Остром заметил взгляд.

— Вы нашли документы Лады?

— Ещё нет.

— Найдите. И спросите себя, почему ваш дом поставлен именно там, где линия поворачивает к нижним террасам.

— Линию сегодня провели вы.

— Мы только показали то, что земля помнила до нас.

Он говорил уверенно, но от проверки не отказался и кол не вынул. Даган потребовал временно ослабить нить у свежей стены. После долгого спора Остром позволил переставить верхнее кольцо на ладонь ниже, чтобы связь не касалась новой кладки напрямую. Само железо осталось на месте.

Когда он ослабил узел, шов возле рябины зазвенел чище. Услышали все.

Остром тоже.

— До разбора не трогайте знаки, — сказал он. — Завтра я принесу выписки по каждому участку.

— С именами? — спросила Рова.

— С теми, на раскрытие которых есть право.

— Ошибки наши, земля наша, а право у книги?

— Право у тех, кто отвечает, когда земля сходит вниз.

Он ушёл прежде, чем солнце коснулось седловины. Красная нить осталась, но теперь люди переступали её осторожно

и смотрели не на путь, а на ближайшие стены.

Даган отправил рабочих заканчивать кладку при фонарях. Рова повела коз на короткий выпас. Яра собрала бумаги с угольными отметками. Ниса свернула отвес и протянула его мастеру.

— Оставь до разбора, — сказал он. — Только утром будь на стене вовремя.

— Буду.

— И не называй себя каменщицей, пока не умеешь ставить угол без моих проклятий.

— Сегодня угол ставила не я.

— Потому я и не проклинал тебя.

Он ушёл, пряча улыбку в бороде.

Домой Яра и Ниса поднимались молча. За день нить успела запачкаться, на ней висели клочки шерсти и сухая трава. У кухонной двери она всё так же преграждала вход.

Ниса придержала её доской. Яра прошла первой, потом приняла доску с другой стороны. Простое совместное движение получилось легче любого разговора.

В кухне Яра зажгла лампу и сняла с верхней полки жестяную коробку с бумагами тётки Лады. Крышка не поддавалась от сырости. Ниса молча принесла нож, вставила лезвие в щель и повернула.

Внутри лежали налоговые листы, договор на камень, разрешение на старую печь и наследственная запись. Яра разложила их по столу. Красная нить за дверью отбрасывала через

цель тонкую полосу на пол.

— Ты знала, что Даган предлагал мне место в городской артели? — спросила Ниса.

Яра замерла с бумагой в руках.

Вот оно. То, вокруг чего они ходили две недели.

— Когда?

— После зимней проверки.

— Почему не сказала?

— Я пыталась. Ты каждый раз начинала рассказывать, где весной сыплются дороги и сколько в городе берут за угол.

Яра хотела ответить, что это разумные вещи. Что Ниса ни разу не ночевала одна за пределами Крайцев. Что городские артели берут ученика на сезон, а выгоняют за один разбитый камень. Все слова уже стояли наготове, гладкие снаружи и пустые внутри.

— Ты согласилась? — спросила она.

— Ещё нет.

Облегчение пришло слишком быстро.

— Сначала разберёмся с домом.

Ниса положила нож на стол.

— Вот. Ты опять решила, что одно должно ждать другого.

— Если дом заставят разбирать, мне понадобится помощь.

— Поэтому я не могу уехать?

— Я не это сказала.

— Ты сказала ровно это, только без последней половины.

За дверью нить тихо загудела. Может быть, ветер наконец добрался до склона. А может быть, один из колышков вытянул ещё крупицу силы из законченной работы.

Яра посмотрела на наследственную запись. Тётка Лада получила дом, когда Яре было шесть. Кухню пристроили позже, уже после большого оползня. Яра помнила запах мокрой глины и то, как взрослые таскали камни всей улицей. Она не помнила, чтобы кто-то спрашивал разрешение на пристройку.

— Я боюсь, что ты уедешь в плохое место, — сказала она. — И боюсь остаться разбирать это одна. Это два разных страха. Ни один не даёт мне права решать за тебя.

Ниса долго смотрела на неё.

— Хорошо.

Это не было прощением и не было обещанием остаться.

— Покажешь договор артели?

— Покажу, когда ты сможешь прочесть его как мой договор, а не как свою болезнь.

Яра кивнула. Справедливое условие оказалось неприятным, как горький отвар.

Они вернулись к бумагам. Под наследственной записью нашёлся сложенный вчетверо лист без печати. На нём рукой тётки была нарисована задняя стена дома, кухня и несколько волнистых линий, уходящих под погреб. Сбоку стояла дата — год после большого оползня.

— Это план кладки? — спросила Яра.

Ниса развернула лист к лампе.

— Нет. Здесь камни нарисованы иначе. Похоже на стоки.

— Под домом нет стока.

— Сейчас нет.

Ниса провела пальцем над бумагой, не касаясь старых чернил. Волнистые линии сходились там, где стояла пристроенная кухня, и обрывались жирным крестом.

Рядом тётка Лада написала два слова: «засыпать временно».

Яра прочла их дважды.

Красная нить за дверью натянулась и ударила о косяк.

Впервые за день Яра подумала не о том, как цех крадёт чужие исправления. Она подумала о том, что Остром мог быть прав насчёт воды.

И о том, что тётка, оставившая ей дом, не исправила свою последнюю ошибку.

Глава 3. Дом тётки Лады

До рассвета дождь шёл по крыше мелкими осторожными шагами.

Яра не спала. Лежала на узкой кровати за печью и слушала, как вода собирается в желобе, переливается через край и падает на камни у задней стены. Раньше этот звук успокаивал. Дом принимал непогоду на себя, оставляя ей сухую постель, тёплую кухню и полки с травами.

Теперь каждый всплеск напоминал о волнистых линиях на листе тётки Лады.

«Засыпать временно».

В горах не было ничего долговечнее временной работы, о которой перестали говорить.

Когда за окном посерело, Яра встала, растопила печь и вынесла лампу в погреб. Ниса уже была там. Она сидела на нижней ступени в рубаше и шерстяных штанах, держа рисунок над закрытой банкой с сушёной мятой, чтобы не испачкать его о пол.

— Ты спала? — спросила Яра.

— Немного.

— Врёшь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Под погребом ничего не журчало. Каменный пол оставался сухим, если не считать тёмного пятна у дальней стены.

Там всегда выступала сырость после сильного дождя. Яра ставила банки на деревянную решётку и считала это обычным свойством дома, врезанного в склон.

Ниса приложила рисунок к стене.

— Если кухня здесь, а старый дом заканчивался у лестницы, линии сходятся под дальним углом.

— Там основание печи.

— Сейчас. На рисунке печи нет.

Яра подошла к пятну и прижала ладонь к камню. Холодно. Слишком холодно для стены рядом с тёплым дымоходом.

— Камни снимать не будем, — сказала она.

— Я не собиралась снимать основание.

— Ты взяла молоток.

— Чтобы простучать швы.

— Простучишь сверху.

Ниса сложила рисунок.

— Хорошо.

Она согласилась слишком легко. Яра знала этот тон: дочь не отказалась от мысли, только перестала спорить о ней вслух.

В кухне они убрали лавку и коврик. Старые плиты пола шли ровными рядами от двери к печи, но возле кладовой одна была уже соседних и отличалась цветом. Яра видела её каждый день тридцать лет и ни разу не спрашивала, почему.

Ниса опустилась на колени, провела пальцем по шву.

— Здесь раствор другой.

— Кухню чинили после моего переезда.

— В каком году?

— Мне было двенадцать. Треснула стена возле окна.

— Эту плиту поднимали?

— Не помню.

Ниса простучала камень рукоятью. По краям звук был плотным. В середине — низким, гулким.

— Под ним пустота.

— Или ящик.

— Ты прячешь ящики под полом?

— Тётка могла.

Яра сказала это и сразу поняла, что надеется на ящик. Пусть под плитой лежат старые монеты, зимние яблоки, даже кости. Всё было бы лучше воды.

Красная нить за дверью задрожала. Дождь сделал её темнее, но она не провисла. Капли сбегали к кольям и исчезали на железе.

— Надо позвать Дагана, — сказала Ниса.

— Ты опоздаешь к нему на стену.

— Поэтому и надо позвать. Он решит, кого оставить здесь.

Яра чуть не сказала, что дом принадлежит ей и решать будет она. Но именно так тётка Лада, возможно, решила за всех, что сухой ход можно засыпать.

— Позови, — сказала Яра. — И Саю. Она должна помнить оползень.

— Острома?

— Нет.

— Если найдём воду, он скажет, что мы спрятали следы.

— А если позовём его первым, он назовёт любую мокрую землю доказательством права цеха.

Ниса задумалась и кивнула.

— Тогда Брана. Он видел наши проверки и умеет записывать.

Яре не понравилось, что дочь нашла более честный выход быстрее неё.

— Брана, — согласилась она.

Через час кухня была полна людей. Даган ворчал на мокрые сапоги, Сая грела руки у печи и не смотрела на рисунок, Бран стоял у двери с книгой и старался не касаться красной нити плащом. Рова пришла без приглашения, потому что увидела всех на тропе, и принесла ломоть козьего сыра, словно собиралась наблюдать долго.

Яра положила рисунок тётки на стол.

— Кто помнит большой оползень?

— Все, кто тогда уже умел ходить, — сказала Сая.

— Я умела. Не помню водного хода под домом.

— Потому что тебя увели к мельнице. Здесь три дня таскали грязь.

— Тётка засыпала сток?

Сая растёрла узловатые пальцы.

— Не одна.

— Кто помогал?

— Полдеревни.

— Зачем?

— Дом сполз бы.

Ответ прозвучал быстро, будто староста носила его готовым много лет.

Даган разложил рисунок ровнее.

— Покажи старую стену.

Сая указала на линию, проходившую там, где теперь начиналась кухня.

— Вода шла сбоку, — сказала она. — После оползня русло забило камнем. Лада хотела расчистить, но откос продолжал двигаться. Мы засыпали провал, укрепили основание и отвели воду выше.

— Куда отвели? — спросил Бран.

— В общий желоб.

— Тот, который сейчас идёт у дороги?

— Другого нет.

— Он моложе дома на двадцать лет, — сказал Даган.

Сая посмотрела на него с неприязнью.

— Ты тогда известь в корыте месил и считал себя мастером.

— А ты уже была старостой и должна была помнить, куда уходит вода.

— Не была я старостой.

— Но подпись ставила за отца.

Тишина стала тесной. Бран медленно опустил перо.

— Какая подпись? — спросила Яра.

Сая отвернулась к окну.

— Сначала поднимите плиту.

Даган осмотрел пол, велел погасить огонь в печи и дожидаться, пока остынет основание. Затем вывел всех, кроме Нисы и Яры. Бран отказался уходить далеко и устроился на крыльце, положив книгу на колени. Рова села рядом с сыром.

Пока ждали, Яра перебрала бумаги тётки. Наследственная запись давала Ладе дом и узкую полосу огорода. Пристройка там не упоминалась. Разрешение на печь было выдано позже, но в нём стояло: «на существующем основании». Если кухня появилась одновременно с новым основанием, кто-то солгал писцу или писец не пришёл смотреть.

— Ты знала, что разрешения на кухню нет? — спросила Ниса.

— Нет.

— Но налоги за неё платили.

— Здесь есть листы.

— Значит, деревня брала налог за то, чего по документам не существовало.

— Деревня брала налог за крышу и очаг. Землю записывали отдельно.

Ниса усмехнулась.

— Очень удобно. Когда платить — кухня есть. Когда защищать — её нет.

Яра хотела возразить, но не нашла чему.

Даган вернулся, потрогал печь и разрешил начинать. Он велел Нисе расчистить шов тонким зубилом. Сам держал широкий рычаг, но не вставлял его, пока она не обошла плитку по всему краю.

— Почему не ты? — спросила Рова из двери.

— Потому что ей надо учиться на полу, который не упадёт ей на голову.

— А если сломает?

— Тогда признает и заменит.

Ниса даже не подняла глаз. Она работала короткими осторожными ударами. Из шва крошился старый раствор, почти чёрный. Под ним обнаружился слой светлой извести — поздний ремонт. Значит, плитку действительно поднимали.

Когда рычаг вошёл в щель, Даган передал его Нисе.

— Не спиной. Ногами.

Плита приподнялась на толщину пальца. Из-под неё дохнуло холодом и запахом мокрого камня. Яра поставила деревянный клин. Ниса переставила рычаг, Даган добавил второй клин. Вместе они сдвинули плитку в сторону.

Под ней не было ящика.

Квадратная яма уходила на локоть вниз. На дне лежала вода — чёрная в тени, неподвижная. В боковой стенке виднелись два плоских камня, поставленные крышей. Между ними темнел узкий проход, забитый глиной.

— Старый сток, — сказал Даган.

Сая села на лавку.

Яра опустила у края и поднесла лампу. Вода отражала пламя без дрожи. Если бы она текла, отражение ломалось бы. Значит, ход был закупорен.

— Почему погреб сухой? — спросила она.

— Пока давление уходит в землю, — ответил Даган. — Или вода нашла другой путь. Нaley в верхний желоб краску — увидим.

— Краситель попадёт в ручей.

— Меловую пыль. Она безвредна.

Бран заглянул через плечо Яры.

— Я должен уведомить старшего.

— Сначала запиши, что увидел, — сказала Ниса.

— Запишу и уведомлю.

— И что плита была закрыта старым раствором, а не нами вчера.

Бран сжал губы.

— Я умею составлять осмотр.

— Вчера ты умел говорить, что свежая стена сама сохнет к колу.

— Ниса, — сказал Даган.

На этот раз в его голосе было предупреждение. Она отошла.

Бран записал размеры ямы, положение хода, глубину воды и цвет двух слоёв раствора. Потом попросил каждого свидетеля поставить знак. Яра расписалась полностью. Даган оста-

вил угловатую букву. Сая долго держала перо, прежде чем начертить своё имя.

— Теперь рассказывай про подпись, — сказала Яра.

Староста посмотрела на Брана.

— Не при цехе.

— Спор уже у цеха.

— Потому и не при нём.

— Ты знала об уведомлении и промолчала. Я больше не приму от тебя половину рассказа.

Сая поднялась. Она была ниже Яры, но в деревне привыкли уступать ей дорогу. Сейчас никто не двинулся.

— После оползня верхний склон треснул от леса до ручья, — сказала она. — Два дома сложились. В вашем доме заднюю стену выдавило внутрь. Лада хотела уйти к сестре за седловину. Тогда приехал Межевой цех: люди, лошади, мешки извести. Они предложили укрепить террасы, если деревня признает, что неправильно рубила лес и перекрывала воду.

— Неправильно рубила? — переспросила Рова. — Лес цех продавал городу.

— Рубили наши мужчины.

— По их меткам.

— Метки не держали топоры.

Сая сказала это устало, без желания победить.

— Что подписали? — спросила Яра.

— Временную передачу спорных полос до исправления

склонов. Мой отец лежал с разбитой ногой. Я подписала за него.

Бран быстро раскрыл книгу.

— Такая уступка должна быть в первой описи.

— Должна.

— Её там нет, — сказал он.

— Есть приложение на синей коже.

Он поднял голову.

— Приложение голодного года?

Сая кивнула.

— Голодный год был позже, — сказала Яра.

— На шесть лет. Цех переписал старую уступку вместе с новыми долгами.

— Ты позволила?

— Я спорила. Они показали мою подпись и сказали, что срок не важен, пока склон не исправлен полностью.

— А он когда-нибудь может быть исправлен полностью?
— спросила Ниса.

Сая посмотрела на красную нить в дверях.

— Теперь понимаю, что нет. Пока каждый новый ремонт питает их знак, для них исправление не заканчивается.

Бран листал книгу всё быстрее.

— В описи указано, что цех принял надзор после общего признания.

— Было не общее признание, — сказала Сая. — Мы называли каждый своё. Кто рубил выше меры. Кто забил кана-

ву. Кто поставил сарай у русла. Цех собрал это в одну строку.

— Почему молчала? — спросила Яра.

Староста ответила не сразу.

— Потому что без них мы бы не удержали склон в тот год. И потому что я поставила подпись. Каждый раз, когда хотела открыть приложение на сходе, видела дома, которые они помогли сохранить. А потом начинался новый дождь, новый долг, новый спор. Молчать становилось привычнее.

— И вчера ты дала им провести нить через наши двери.

— Они обещали сначала измерить.

— Уже утром говорили о разборе.

— Я не знала.

— Ты не спросила.

Сая приняла удар, не отвернувшись.

— Не спросила.

Ничего не засветилось. Красная нить не ослабла. Вода под полом не дрогнула.

— Одного признания мало, — тихо сказала Рова.

Сая посмотрела на неё.

— Знаю.

— Что исправишь?

— Принесу приложение на разбор. И все письма цеха, которые хранила отдельно от общинной книги.

— Сегодня, — сказала Яра.

— Сегодня.

Только тогда в яме прошла маленькая рябь. Не свет, не

чудо — с потолка упала капля. Но все посмотрели вниз.

Бран закрыл свою книгу.

— Если приложение скрывали от первой описи, я должен проверить печати.

— Проверишь при деревне, — сказала Сая. — Больше ничего не унесёте без свидетелей.

— Вы обвиняете цех в подмене.

— Я обвиняю себя в том, что позволила двум разным уступкам стать одной. Цех пусть отвечает за свою половину.

Бран хотел спорить, но снаружи раздался голос Острома:

— Разумное разделение ответственности.

Он стоял за красной нитью, сняв капюшон. Дождь блестел на белой пряди у виска. Никто не слышал, как он поднялся к дому.

— Ты быстро уведомил, — сказала Ниса Брану.

— Я никого не посылал.

Остром переступил нить и вошёл. Взгляд сразу нашёл открытую плиту.

— Значит, ход существует.

— Существует закупоренная пустота, — сказала Яра. — Мы ещё не знаем, куда она вела и ведёт ли воду сейчас.

— Вода в ней стоит.

— Вода стоит и в ведре. Это не делает ведро руслом.

Остром присел, осмотрел яму и старую кладку. Он не торжествовал. От этого Яре стало тревожнее.

— Не открывайте ход, — сказал он.

Даган скрестил руки.

— Вчера вы хотели освободить проход.

— Не изнутри дома и не во время дождя. Если верхняя полость наполнена, вы получите поток под фундаментом.

— Наконец полезный совет, — сказала Рова.

Остром не отреагировал.

— Дом нужно разгрузить. Вынести запасы из кухни и погреба. Погасить печь. Поставить временные подпоры у задней стены.

— И через три дня отдать вам землю? — спросила Яра.

— Через три дня разобрать спор. Земля не станет безопаснее от того, что вы мне не доверяете.

— А цех не станет её владельцем от того, что вы правильно заметили воду.

Впервые в лице Острома мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Верно.

Он попросил у Брана запись осмотра, прочёл и вернул, ничего не исправив. Затем указал на план тётки.

— Здесь должен быть второй лист.

— Откуда знаете?

— Такие планы рисовали до и после работы. На первом — что нашли, на втором — что сделали.

Яра перебрала содержимое коробки. Второго листа не было.

— Может, Лада не рисовала.

— Может. Но крест нанесён другим углём, чем линии. Его поставили после засыпки. Значит, кто-то возвращался к плану.

Ниса поднесла лист к окну. Остром был прав: волнистые линии выцвели до бурого, крест оставался почти чёрным.

— У цеха есть копия? — спросила она.

— В приложении может быть.

— В том самом, которое вы спрятали под голодным господом?

— Я тогда не был старшим.

— Но сейчас пользуетесь.

— Да.

Он не стал защищаться чужой давностью. Это раздражало сильнее оправданий.

Сая ушла за письмами. Даган распределил работу: двое каменщиков принесут стойки и широкие доски, Ниса останется размечать подпоры, Яра вынесет лекарства в сухой навес Ровы. Остром велел Брану обойти верхний склон и проверить, не появились ли свежие выходы воды.

— Я пойду с ним, — сказала Яра.

— Нет, — одновременно ответили Остром и Ниса.

Яра посмотрела на дочь.

— Здесь нужно решить, какие полки снимать первыми, — сказала Ниса. — И Лек должен прийти на осмотр.

— Это мой дом.

— Поэтому ты нужна здесь. Я пойду с Браном.

— Под дождём верхняя тропа скользкая.

— Я хожу по ней на работу.

— Сейчас склон может двигаться.

— Поэтому с нами будет межевик, который обязан это заметить.

Бран не выглядел польщённым.

Яра ощутила, как страх снова поднимается готовыми запретами. На этот раз она успела отделить опасность от привычки. Верхний склон действительно был рискованным. Ниса действительно знала камень лучше неё. Оставалось установить условия, а не отнять решение.

— Возьмите верёвку, — сказала Яра. — Не заходите за свежие трещины. Если земля гудит или из сухого шва идёт мутная вода, возвращайтесь сразу.

— Знаю.

— Тогда иди.

Ниса быстро собрала отвес, плащ и кусок мела. У двери задержалась.

— Городская артель уходит через двенадцать дней.

— Я слышала.

— Мне нужен ответ раньше.

— Тебе нужно принять решение раньше.

Ниса чуть улыбнулась.

— Уже лучше.

Она ушла с Браном. Красная нить пропустила их и снова легла поперёк двери.

Остаток утра Яра выносила собственную жизнь из кухни. Сначала банки с редкими корнями, потом связки семян, ве-
сы, медный таз, ступки. Каждая вещь имела своё место, вы-
бранное не вчера: синяя банка стояла у окна с тех пор, как
Ниса научилась читать подписи; тяжёлая ступка досталась
от тётки; на нижней полке оставалась выщербина от первого
ножа Яры.

Рова принимала всё в навесе и записывала углём, чтобы
потом никто не спорил, что принадлежит кому.

— Если дом признают опасным, поживёшь у меня, — ска-
зала она.

— С козами?

— Козы аккуратнее некоторых травниц.

— Спасибо.

Слово застряло в горле. Временное жильё цеха было угро-
зой, место у Ровы — помощью, но оба предложения застав-
ляли представить ночь не в своей постели.

Лек пришёл с матерью после полудня. Ожог выглядел чи-
сто, пальцы сгибались. Жарница, побывавшая возле кола, да-
ла слабый сок, поэтому Яра использовала простую мазь Те-
рена и велела не снимать повязку до утра. Мать мальчика
увидела открытую плиту и не стала задавать вопросов. Толь-
ко оставила на столе половину вчерашней платы.

— Мы договорились о половине, — сказала она.

— Да.

— Это она и есть. Не меньше и не больше.

Точность принесла странное облегчение. Не всякий долг стремился стать вечным.

К вечеру каменщики поставили подпоры. Ниса вернулась мокрая до кожи, с глиной на коленях. Бран нёс за ней два мешка с образцами земли.

— Нашли старый выход, — сказала она с порога. — Выше дома, под терновником. Его заложили плоскими камнями. Вода сочится по краям.

— Сколько?

— Пока ручеёк. Но глина вокруг свежо треснула.

Бран поставил мешки.

— Ход совпадает с направлением на плане. Есть второй выход ниже дома, сухой. Между ними разрыв под кухней.

— Значит, дом перекрывает воду, — сказал Остром.

Он всё ещё был здесь, помогал Дагану рассчитывать подпоры и раздражал Яру своей полезностью.

— Значит, вода не идёт старым путём, — поправила она.

— Причину разрыва ещё надо установить.

Ниса сняла мокрый плащ.

— Мы установили. У верхнего выхода нашли кладку. Такие же плоские камни, как под плитой. Ход засыпали намеренно с двух сторон.

— Кто? — спросила Яра, хотя знала ответ.

Ниса протянула ей маленький обломок извести. На нём сохранились три косые насечки. Знак Лады. Тётка ставила его на мешках, инструментах и каждой стене, которую при-

нимала после работы.

Яра сжала камень в ладони.

Дом не оказался жертвой чужой записи. Его действительно расширили поверх общего водного хода. Лада знала, где он шёл, и отметила засыпку своим знаком. Возможно, тогда это спасло строение. Возможно, у неё не было лучшего выбора во время оползня. Но временное исправление стало постоянным вредом, а Яра прожила над ним тридцать лет, не задавая вопросов.

— Запиши находку, — сказала она Брану.

— Уже.

— И что знак Лады опознала я.

Остром молчал.

— Не будете требовать признания? — спросила Яра.

— Это не ваша ошибка.

— Дом мой.

— Владение последствием и вина за поступок — не одно и то же.

— Но исправлять придётся мне.

— Да.

В этом «да» не было ни жалости, ни победы.

Сая вернулась после темноты с деревянным ларцом. Внутри лежали письма цеха, копия первой уступки и тонкая синяя тетрадь. Она поставила ларец на освобождённый стол.

— Здесь всё, — сказала она. — Завтра прочтём при сходе.

Остром потянулся к тетради, но Сая накрыла крышку ла-

донью.

— Завтра. При сходе.

Он убрал руку.

Яра положила рядом камень со знаком Лады.

— Дом стоит неправильно, — сказала она. Слова резали рот. — Ход перекрыт намеренно. Я не стану лгать об этом на разборе.

Красная нить у двери вспыхнула багровым светом.

Все обернулись. Свет пробежал вверх и вниз к соседним кольям, словно цеховой знак услышал признание и приготовился забрать его силу.

Яра подошла к двери, но не переступила нить.

— Я назвала факт, — сказала она. — Не свою ошибку. И ещё ничего не исправила. Вам это не принадлежит.

Она захлопнула дверь перед красным светом.

Нить ударилась о дерево и загудела. В погребке под полом ответила вода.

Глава 4. Лекарь без трав

Терен Мошь вернулся в Крайцы перед рассветом и первым делом ударил в дверь Яры кулаком.

Не постучал, не позвал по имени — ударил так, что подпорка у печи отозвалась сухим треском. Яра проснулась на лавке в пустой кухне, не сразу поняв, где находится. После вчерашнего она не решилась разжигать печь и спала в одежде, укрывшись двумя плащами. В раскрытой яме под снятой плитой темнела вода. За ночь она поднялась на половину пальца.

— Кто?

— Открывай.

Голос Терена она узнала прежде, чем проснулась окончательно. У двери красная нить мерцала слабее обычного, будто тоже устала за ночь. Яра переступила её и отодвинула засов.

Терен стоял на крыльце в дорожном плаще. К подолу прилипла светлая глина с перевала. За его спиной переминался подросток, которого Яра видела на нижних огородах, — Фер, старший сын пчеловода Краста. Мальчик держал за плечи отца. Краст не стоял сам: ноги волочились по ступенькам, голова падала на грудь, дыхание вырывалось короткими свистами.

— На стол, — сказал Терен.

— Печь погашена. Дом под подпорами.

— Мне нужен стол, не дом.

Они внесли Краста в кухню. Терен одним движением смахнул с длинного стола бумаги и развернул больного лицом к окну. Краст был серым, только щёки горели двумя багровыми пятнами. Губы распухли. На шее выступила крапива сыпи.

— Когда началось? — спросила Яра.

— Ночью. Сначала живот, потом лицо. Фер добежал до заставы, встретил меня на дороге.

Яра коснулась запястья Краста. Пульс бился быстро и неровно. От больного пахло мёдом, кислым потом и чем-то горьким, знакомым.

— Что давал?

— Уголь, солёную воду, холод на шею. Он вырвал один раз. Дышать стало легче, потом снова хуже.

— Травы?

Терен посмотрел на неё так, словно этот вопрос был обвинением.

— Твои.

Фер поставил на стол маленький глиняный пузырьёк. На пробке была выжжена буква Яры. Внутри оставалось немного мутной зелёной настойки.

— Это не моя смесь, — сказала она.

— Буква твоя.

— Пузырёк мой. Я их возвращаю и снова наполняю. Где

взяли?

Фер облизнул сухие губы.

— У Круны. Отец вчера за мёд выменял. Она сказала — от тяжести после еды.

Яра вынула пробку и поднесла пузырёк к носу. Мята, полынь, сушёная желчница. Обычный желудочный настой. Под ними прятался сладковатый запах жарницы.

— Здесь жарница.

— Я уже понял, — сказал Терен. — Поэтому и привёз его к тебе.

— В настое её быть не должно.

— Но она есть.

Краст захрипел громче. Спор пришлось отложить. Терен велел Феру держать отца за плечи, сам осмотрел рот и язык. Яра вытащила из перенесённого в навес запаса мешочек белой глины, развела её в воде и принесла чашку.

— Не дам, пока не скажешь зачем, — сказал Терен.

— Связать то, что осталось в желудке.

— После угля она мало возьмёт.

— Мало лучше, чем ничего. А холодный отвар белого щавеля снимет жар.

— Без корня.

— Без корня, — согласилась Яра.

Они работали рядом впервые за несколько лет. Терен не пользовался травами, если мог обойтись водой, ножом, шиной или чистой тканью. Он говорил, что растение слишком

легко принимает чужую силу и слишком трудно выдаёт правду о том, чем напитано. Яра считала такую осторожность удобной гордостью: камень тоже мог быть плохим, вода — грязной, железо — ломким, но Терен не отказывался от ножей.

Сейчас его недоверие оказалось полезным. Он не дал Красту ещё одну смесь, заставил дышать медленно и держал распухший язык деревянной ложкой, пока Яра прикладывала холодную ткань к шее. Потом они напоили больного глиняной водой по одному глотку. Часть пролилась, часть он проглотил.

Сыпь перестала подниматься к лицу, но дыхание оставалось свистящим.

— У него раньше бывало такое? — спросила Яра у Фера.

— От укуса красной осы. Только меньше. Отец тогда весь день лежал.

— Что ел вчера?

— Хлеб, сыр, кашу. И мёд пробовал. Новый, из верхних ульев.

Терен повернулся к мальчику.

— Почему сразу не сказал про мёд?

— Он всегда его пробует.

— А настой когда выпил?

— После ужина. Сказал, живот тяжёлый.

Яра отлила каплю из пузырька на белую тарелку. В мутной жидкости плавали рыжие искры. Так выглядел сок жар-

ницы, которую усилили признанием: обычный отвар остав-
лял ровное зелёное пятно.

— Сколько выпил?

— Один глоток.

— Лжёшь, — сказал Терен.

Фер побледнел.

— Не лгу.

— Здесь не место спасать отца красивой версией.

— Я не спасаю красивой! Он выпил глоток. Потом сказал,
что горько, и отдал мне.

Яра остановила Терена движением ладони.

— Фер, ты пил?

— Нет.

— Вылил часть?

— Я... хотел узнать, что там. Капнул на язык. Потом вы-
плюнул и прополоскал рот.

— Что почувствовал?

— Будто обжёгся мёдом.

Жарница должна была жечь сухо, как нагретый камень.
Сладкое жжение появлялось у корней с внутренней гнилью.
Яра видела его однажды в запасе купца, который заставлял
работников каяться за недовес, а сам не возвращал покупа-
телям ни зерна.

Она схватила плащ.

— К Круне.

— Ты никуда не пойдёшь, — сказал Терен. — У него сно-

ва слабеет дыхание.

— Нужен образец из того кувшина, где она держала настой.

— Ниса принесёт.

Ниса уже стояла в дверях, застёгивая куртку. Она появилась неслышно и успела услышать достаточно.

— Где живёт Круна, знаю, — сказала она. — Что брать?

Яра дала ей чистую банку и восковую крышку.

— Сам настой, осадок со дна, если остался, и всё, что она добавляла. Не соглашайся на другой кувшин. Пусть Фер покажет тот самый.

— Я пойду, — сказал мальчик.

Терен кивнул.

— И приведите Круну. Не тащите силой. Скажите, что Краст жив и нам нужно понять причину.

Ниса с Фером ушли. Красная нить дрогнула у их ног, но не загорелась.

Следующие полчаса Краст то проваливался в тяжёлый сон, то пытался сесть. Терен удерживал его и считал вдохи. Яра меняла холодные тряпки. Постепенно свист стал тише. Распухшие губы оставались страшными, но язык уже не закрывал горло.

Когда опасность немного отступила, Терен взял пузырёк двумя пальцами.

— Ты раздаёшь свою посуду по деревне, а потом говоришь, что содержимое не твоё.

— Посуду возвращают. Я мою её кипятком.

— Клеймо остаётся.

— Все знают, что я не продаю готовый настой через Круну.

— Краст не знал.

— Краст покупает у меня десять лет.

— Значит, увидел знак и поверил. Вот цена привычки.

Яра хотела ответить, что лекарь, который отказывается от половины доступных средств, не должен учить её обращению с ними. Но на столе лежал человек с распухшим лицом, и спор нельзя было выиграть, пока тот дышал через силу.

— Пузырёк мой, — сказала она. — Я отвечаю за то, что его знак ввёл Краста в заблуждение. Отныне буду счищать метку с посуды, которую не наполняла сама.

Под окном, где стояла миска с проросшей жарницей, один бледный лист расправился.

Терен заметил. Его лицо стало жёстким.

— Даже сейчас.

— Что?

— Даже у постели больного ты кормишь растение признанием.

— Я назвала свою ошибку и сказала, как исправлю.

— Красту от этого легче?

— Если второй человек не выпьет чужую смесь из моего пузырька — да.

— А лист уже тянется к свету, словно ты заплатила доста-

точно.

Яра посмотрела на росток. Он действительно поднялся слишком быстро. Исправление ещё не было сделано: она только пообещала. Настоящая сила не должна была прийти.

Она перенесла миску подальше от красной нити. Лист поник не сразу, но янтарный блеск на жилке исчез.

— Это не моё признание его подняло, — сказала она.

— Удобно.

— Если хочешь обвинить меня, дожись Круны.

— Я обвиняю не тебя одну. Я обвиняю ремесло, которое притворяется, будто умеет отличить правду от подходящих слов.

— Каменный дом тоже может рухнуть. Ты же не лечишь людей под небом из принципа.

— Камень не обещает стать крепче, если я унижусь перед ним.

— Признать вред — не унижение.

— Скажи это тем, кого цех ставит на площадь.

Терен говорил тихо, но в словах было больше ярости, чем в утреннем ударе по двери. Яра вспомнила его историю лишь обрывками. В молодости он лечил больного, тот умер, после чего Терен перестал покупать усиленные травы. Одни говорили, он перепутал порошки. Другие — что семья пациента вымогала у него дом. Сам Терен не рассказывал.

— Цех крадёт силу исправлений, — сказала Яра. — Это не делает всякое исправление ложью.

— А ложь не всегда лежит на поверхности. Ты можешь проверить корень? Не цвет, не запах после заваривания, а слова, которыми его вырастили?

— Иногда могу.

— Иногда недостаточно.

Краст закашлялся. Из уголка рта вытекла мутная жидкость. Терен повернул его набок и больше не спорил.

Ниса вернулась через час с Круной и Фером. Круна несла кувшин, прижав к груди, как больного ребёнка. Это была полная женщина с красными от холода руками. Она торговала на развилке солью, свечами и мелкими припасами, которые жители меняли на яйца, шерсть и сушёные грибы.

— Он жив? — спросила она с порога.

— Жив, — ответил Терен. — Что было в кувшине?

— Желчица, полынь, мята. Всё как всегда.

— Кто готовил?

— Я.

— Жарницу добавляла?

— Нет.

Яра сняла восковую крышку с банки Нисы. Запах был тот же: горечь, мята и приторный жар под ними. На дне лежал рыжий осадок.

— Добавляла, — сказала Яра.

— Не добавляла! Я не дура. Краст от неё краснеет, все знают.

Фер вскинул голову.

— Ты знала?

— Твой отец сам мне говорил. Потому я и не клала.

Яра налила немного настоя в две чашки. В одну бросила щепоть соли, в другую — крошку мела. Обычная жарница при соли темнела, при меле светлела. В первой чашке жидкость стала почти чёрной, а во второй рыжие искры сбились к краям, оставив в середине чистый круг.

— Корень усиливали, — сказала Яра. — И плохо. Но он мог попасть сюда случайно. Где сушила растения?

— На отдельных полотнах.

— Чем толкла?

— Желчницу и полынь вместе, мяту отдельно.

— А жарницу?

Круна сжала кувшин.

— Я её не толкла.

— У тебя её не было?

— Была связка на продажу. Целые корни.

— Откуда?

— Купила у поставщика.

— Имя.

— Он с южной дороги. Возит соль и сушёное.

— Имя, Круна.

— Ловен Шир.

Яра знала Ловена. Он приезжал дважды в год с телегой, крытой синим полотном, и умел рассказывать о каждом мешке так, словно сам собирал его на рассвете. Прошлой

осенью он привёз жарницу с высоких склонов. Корни были крупнее местных и давали слишком много сока, поэтому Яра ничего не купила.

— Чем он усиливал корень? — спросила она.

— Не знаю.

— Ты спросила?

Круна посмотрела на Краста.

— Спросила.

— И что он ответил?

— Что признал недовес в старых поставках и вернул покупателей товар.

Терен взял связку, которую принесла Ниса. Корни были перевязаны синей ниткой. На бумажной бирке углём значилось: «Недовес исправлен».

— Кому вернул? — спросил он.

— Покупателям.

— Каким?

— Я не проверяла.

— Когда он продавал тебе недовешенное?

Круна молчала.

— Никогда, — догадалась Яра. — Ты купила у него впервые.

— Он показал дорожную книгу. Там стоял знак смотрителя.

— Знак подтверждает груз, а не признание.

— Он сказал, что всё исправил.

— Сказал кому? — спросил Терен. — Тебе, которая не пострадала? Дороге? Собственным корням?

Круна поставила кувшин на стол так резко, что жидкость плеснула через край.

— Я не травила Краста. Я делала этот настой всю зиму. Никому не стало плохо.

— До сегодня, — сказал Терен.

— Он мог съесть что-то ещё.

— Мог, — согласилась Яра. — Поэтому мы не решаем на глаз. Покажи, где хранила и толкла травы.

Краста нельзя было оставлять одного, и Терен отказался уходить. Ниса осталась помогать ему. Яра пошла с Круной и Фером к лавке на развилке.

Дождь прекратился, но низкие облака лежали на хребте. Вода бежала по обочинам, собираясь у межевых кольев. Красная нить пересекала дорогу в двух местах. При каждом шаге Яра думала о листе жарницы, который поднялся раньше исправления. Ложная сила была уже не только в кувшине.

В лавке Круны пахло воском, сушёными яблоками и овечьей шерстью. Травы висели под потолком отдельными пучками. Ступки стояли на полке: каменная, медная и деревянная.

— Покажи, чем толкла настой.

Круна указала на каменную.

На дне осталась зелёная пыль. Яра выскребла её ножом на бумагу. Рыжих крупинок не было. Тогда она осмотрела

полотна. Жарница лежала целыми корнями в дальнем углу и не касалась полыни.

— Кувшин мыла перед настоем?

— Кипятком.

— Что было в нём раньше?

— Сладкая вода для дрожжей.

Фер ходил вдоль полок, всматриваясь в каждую склянку. Вдруг он остановился у мешка с полынью.

— Этот знак был на пузырьке.

На мешке висела синяя нитка с такой же бумажной биркой: «Недовес исправлен».

Яра развязала горловину. Сверху лежала полынь, серо-зелёная и лёгкая. Ниже, на глубине ладони, цвет менялся. Среди листьев блестела рыжая пыль.

— Весь заказ был от Ловена? — спросила она.

Круна кивнула.

— Три мешка и жарница. Он уступил цену, потому что спешил до снега.

— Он смешал крошку усиленного корня с дешёвой травой, чтобы вес сошёлся, — сказал Фер.

— Или перевозил в одном мешке, — возразила Круна.

Яра растёрла щепоть между пальцами. Полынь пахла затхлым погребом. Жарница перебивала гниль и прибавляла вес, но не могла скрыть сырость полностью.

— Сколько должна была весить поставка?

Круна достала дорожную расписку. Тридцать мер полы-

ни, десять — желчницы, четыре связки жарницы. Ни слова о возврате старым покупателям. Зато внизу стояла приписка: «Поставщик признал прежний недовес, разницу внёс в текущий груз».

— Вот его исправление, — сказала Яра. — Он обманул прежних покупателей, а лишний товар отдал новым. Те, кому он навредил, не получили ничего. К тому же добрал вес крошкой жарницы и испорченной пылью.

Фер сжал расписку.

— Отец чуть не умер из-за его красивой записи.

— Запись не была красивой, — сказала Круна. — Была заверенной.

— Кем?

В углу листа стоял маленький ромб Межевого цеха.

Яра вынесла мешок на свет. По синей нитке пробежало тусклое янтарное сияние и исчезло в сторону дороги. Та же сила питала красные кольца.

— Не трогайте остальное, — сказала она. — Закрой лавку. Каждый, кто покупал травы из этой партии, должен узнать сегодня.

Круна побледнела.

— Если я скажу, люди разнесут товар. Зимой я останусь без торговли.

— Если промолчишь, кто-нибудь останется без отца.

— Ты легко говоришь. У тебя огород.

— Через мою кухню проходит межевая нить, а под полом

стоит вода. Не легко.

Круна опустилаcь на мешок с шерстью.

— Я видела сырость, — сказала она. — Когда открыла мешок, увидела. Перебрала верх и решила, что внутри сухо. Не хотела терять тридцать мер.

Полынь в раскрытом мешке зашевелилась без ветра. Рыжая пыль поднялась тонким облачком, но тут же осела. Признание было конкретным, однако вред ещё оставался.

— Что будешь делать? — спросила Яра.

Круна долго смотрела на расписку.

— Закрою лавку. Соберу всё, что осталось от партии. Верну мёд или монеты тем, кто купил. Сама обойду дворы.

— Начни с тех, кто брал лекарственные смеси.

— Начну с них.

— А Ловен?

— Пошлю гонца на южную заставу. Его телега зимует там. Фер покачал головой.

— Гонца мало. Он уедет.

— Тогда я поеду сама.

Это уже было исправлением, а не обещанием сохранить доброе имя. Яра помогла Круне составить список покупателей. Их оказалось одиннадцать. Фер побежал к ближайшим трём, Круна заперла дверь и направилась к старосте, чтобы ударили в малый колокол.

Яра взяла мешок полыни, связку жарницы и расписку. Когда она вернулась домой, Краст сидел, опираясь на стену. Ли-

цо оставалось опухшим, но дышал он без свиста. Ниса поила его простой водой.

Терен прочёл расписку дважды.

— Цех заверил признание, не проверив исправление.

— Или проверил именно то, что ему было нужно, — сказала Яра. — Ловен внёс разницу в новый груз. Сила пошла товару и цеховому знаку, а старые покупатели остались с прежним убытком.

Она поставила мешок подальше от лекарств. Росток в миске снова потянулся к нему.

Терен накрыл миску полотном.

— Живое тянется к силе, даже если она гнилая.

— Люди тоже, — сказала Яра.

Он посмотрел на неё без прежней враждебности, но и без согласия.

— Краст мог умереть.

— Мог.

— Если бы я дал ему твою обычную настойку, могло стать хуже.

— Могло.

— А если бы я вовсе не привёз его к тебе, мы бы не нашли причину.

Яра поняла, чего ему стоили эти слова. Не благодарность

— признание предела собственного ремесла.

— Ты правильно не дал ему новую смесь, — сказала она.

— И правильно привёз пузырёк.

— Не делай из этого примирение.

— Не делаю.

— Я всё ещё считаю усиленные травы опасными.

— Они опасны. Нож тоже. Ты же не отдаёшь его первому встречному и не веришь надписи на рукояти.

Терен снял полотенце с миски. Росток лежал на земле, лишённый близкой подпитки.

— Нужна проверка, которую нельзя купить знаком цеха.

— Сначала нужна простая вещь: спрашивать, кому был нанесён вред и что именно этот человек получил обратно.

— Слов всё равно слишком много.

— Тогда смотри на работу. Ловен не нашёл прежних покупателей. Круна сейчас идёт по дворам. Разница видна ногами.

Краст открыл глаза.

— Я не дойду ногами даже до двери, — прошептал он.

Фер бросился к нему. Терен проверил пульс и впервые за утро позволил себе выдохнуть.

— До двери сегодня и не надо. Полежишь у меня до завтра.

— У тебя холодно.

— Зато нет трав.

Краст попытался усмехнуться и закашлялся.

К вечеру малый колокол прозвонил одиннадцать раз — по числу покупателей Круны. Люди приносили мешочки, бутылки и свёртки. Яра с Тереном устроили проверку под на-

весом Ровы, потому что кухня оставалась опасной. Они не объявляли всякую траву ядом. Отделяли только товар Ловена, спрашивали, кто уже пользовался им, записывали признаки. У двоих болел живот. У женщины с верхнего двора после примочки распухла рука. Остальные ничего не заметили.

Терен осматривал людей, Яра проверяла сырьё солью и мелом. Они спорили о каждой сомнительной горсти и дважды оставили растение в стороне, не вынеся решения. Это оказалось медленнее, чем назвать всю партию проклятой, зато никто не выбросил безопасный зимний запас из страха.

Круна вернулась после темноты. Она успела обойти девять дворов, вернула деньги семерым и договорилась отработать долг перед двумя. На южную заставу вместе с её письмом поехал брат Краста. Самой Круне пришлось остаться: список покупателей был неполным, и она продолжала вспоминать обмены без записей.

Когда последний человек ушёл, Терен сложил заражённые свёртки в пустой ящик.

— Сжигать нельзя. Дым разнесёт сок.

— Закопаем в глиняной яме ниже соляной тропы, — сказала Яра. — Не возле воды. Засыплем известью и отметим место.

— Кто?

— Круна, потому что продала. Я, потому что узнала способ. Ты — если согласишься проверить людей завтра.

— Соглашусь.

Красная нить возле дома вспыхнула. Свет прошёл по ней в сторону межевого кола.

Яра схватила ящик. Терен удержал её за локоть.

— Куда?

— Отнесу подальше от нити.

— Это не товар её кормит. Мы назвали исправление.

Он был прав. Цеховая связка тянула силу даже из работы, которую ещё только начали. Как утром росток поднялся от одного обещания, так теперь красная нить присваивала будущий труд Круны, Яры и Терена.

— Значит, Остром завтра получит ещё один вопрос, — сказала Яра.

— Нет. Сегодня.

Терен взял ящик с другой стороны.

Они пошли к межевому дому вдвоём. Дождь снова начался, редкий и холодный. На площади Круна говорила с теми, кого не застала днём. Фер сидел у лекарского дома рядом с отцом. Ниса проверяла подпорки в кухне и впервые не просила взять её с собой.

У красного кола Терен остановился.

— Я не верю твоим травам, — сказал он.

— Я помню.

— Но сегодня вред принесли не они сами. Его принёс человек, который назвал возвратом новую продажу. И знак, который это принял.

— Скажешь Острому?

— Скажу при свидетелях.

Яра коснулась крышки ящика. Внутри лежала сила, выросшая из чужой ошибки и не дошедшая до тех, кому причинили вред. Такая сила уже отравила Краста, лавку Круны и её собственный росток. Теперь она текла по красной нити к границе.

Терен постучал в дверь межевого дома — на этот раз не кулаком, а рукоятью ножа.

— Открывайте, — сказал он. — Мы принесли ваше исправление.

Глава 5. Ошибка даёт рост

Остром не открыл сразу.

За дверью межевого дома что-то передвинули, заскрипел засов, потом наступила тишина. Яра и Терен стояли под дождём, держа между собой ящик с заражёнными травами. Красная нить тянулась от кола вдоль стены и светилась у самой земли.

— Он слышал, — сказал Терен.

— Слышал.

— Тогда стучи ещё.

Яра поставила свой край ящика на ступеньку.

— Нет. Ты потребовал свидетелей. Соберём их сами.

Она подняла крышку. Сладкий запах жарницы смешался с запахом мокрой полыни. Нить вспыхнула ярче. Терен заметил это и крикнул через площадь:

— Круна! Неси список сюда.

Торговка подошла вместе с тремя покупателями. За ней потянулись те, кто услышал колокол и ещё не разошёлся по домам. Фер помогал отцу дойти до лекарского дома, но, услышав голос Терена, вернулся один. Ниса вышла из темноты с фонарём. Вскоре перед дверью стояли пятнадцать человек.

Только тогда засов отодвинулся.

Остром вышел без плаща. За его спиной Бран держал рас-

крытую книгу и сонно моргал от света фонарей.

— Что случилось? — спросил старший.

Терен сунул ему расписку.

— Ваш знак заверил ложное исправление. Человек едва не умер.

Остром прочёл приписку, осмотрел печать.

— Это дорожный ромб. Он подтверждает, что вес груза проверен на заставе.

— Под ним написано про признанный недовес, — сказала Яра.

— Писал поставщик.

— А ваш смотритель поставил знак так, что запись стала похожа на принятую цехом.

— Похожа — не значит принята.

Фер шагнул вперёд.

— Мой отец должен был догадаться, какая часть бумаги у вас настоящая?

Остром перевёл взгляд на ящик.

— Что там?

Яра рассказала о настое, приступе Краста, смешанной пылины и старых покупателей, которым Ловен ничего не вернул. Говорила коротко, перечисляя то, что видели сами. Круна подтвердила происхождение партии и призналась, что заметила сырость. Терен описал состояние Краста. Фер повторил слова отца о сладком жжении.

Остром выслушал всех.

— Груз нужно изъять, — сказал он. — Бран составит записку. Поставщика задержат на заставе, если он ещё там.

— Изъять куда? — спросила Яра.

— На цеховой склад до разбора.

Красная нить засветилась так ярко, что капли на ней стали красными бусинами.

— Нет, — сказал Терен.

Остром посмотрел на него внимательнее.

— Заражённое лекарственное сырьё нельзя оставлять в деревне.

— Нельзя отдавать его знаку, который уже тянет из него силу.

Яра указала на нить. Люди отступили. Остром присел и провёл пальцами над светом, не касаясь.

— Связка реагирует на открытый спор о земле.

— Мы говорим о травах, — возразила Круна.

— Вы стоите у межевого дома. Здесь любое признание может отозваться в знаке.

— Почему? — спросил Фер.

— Потому что закон связывает исправленный вред с прочностью общей границы.

— Вред ещё не исправлен, — сказала Яра. — Круна не всех нашла. Ловен ничего не вернул прежним покупателям. Мы даже не закопали испорченный товар.

Остром поднялся.

— Тогда свет идёт от намерения.

— Настоящая сила не идёт от намерения.

— Ты решила это по одному листу?

— По листу, по настою и по человеку, который чуть не задохнулся.

В толпе заговорили. Одни требовали немедленно сжечь товар, другие — отдать цеху, третьи спрашивали, что ещё Круна купила у Ловена. Сая Рут пришла последней, с синей тетрадью под плащом.

— На площадь, — сказала она. — Раз всё равно собрали половину деревни, не будем решать у чужой двери.

— Разбор назначен на завтра, — ответил Остром.

— Уже завтра.

Сая указала на светлеющий край неба. Ночь и правда кончалась.

К полудню на площади поставили длинные лавки. Даган натянул полотнище от дождя. Заражённый ящик оставили посередине на каменной плите, обведя мелом. Красную нить от ближайшего кола отвязать не позволил Остром, но Бран перенёс её дальше от людей и закрепил на железном кольце у колодца.

Яра успела поспать два часа в навесе Ровы. Проснувшись от звона посуды и сперва решила, что снова лежит в своей кухне. Потом увидела через щель дом с подпорами и вспомнила воду под полом.

На сход она принесла план тётки Лады, расписку Ловена и миску с ростком жарницы. Терен привёл Краста. Пчеловод

шёл медленно, лицо ещё было опухшим, но отказался оставаться в постели.

— Если будут обсуждать мой живот без меня, наговорят лишнего, — сказал он.

Фер усадил его у края лавки.

Остром встал у межевого кола. На нём был чистый серый кафтан, словно он не провёл ночь за дверью с толпой. Бран расположился рядом с книгой. Сая села напротив и положила синюю тетрадь на колени.

— Сначала закон, — сказал Остром. — Потом отдельные случаи. Иначе мы утонем в историях и забудем, что держит склон.

— Склон держит камень, — отозвался Даган.

— Камень, уложенный людьми. А руки работают лучше, когда знают ответственность.

Остром говорил без свитка. Он объяснил, что после большого оползня землевладельцы хребта приняли общий межевой порядок. Если человек признавал ошибку, от которой пострадала земля, вода, дорога или соседнее владение, сила признания укрепляла границу. Так трещина в стене могла затянуться, корень — пойти глубже, а межевая кладка — выдержать вес талого снега.

— Ошибка даёт рост, — сказал он. — Не потому, что ошибка хороша. Потому, что названная вина перестаёт прятаться и становится работой.

Несколько человек кивнули. Формула звучала просто.

Яра сама могла бы сказать похожее ещё неделю назад.

Остром продолжил. Признание должно быть точным, добровольным и засвидетельствованным. Цех записывает его, чтобы никто не присвоил чужую силу и не отказался от сказанного. Если ошибка касается общей земли, часть силы направляется в межевые связки. Благодаря этому один исправленный желоб помогает не только одному дому, но и всему склону.

— Какая часть? — спросила Ниса.

— Достаточная для удержания границы.

— Это не число.

— Камень не считает себя мерками.

— Зато цех считает землю локтями, — сказала она. —

Скажите в локтях, сколько силы ушло из стены Ровы в ваш кол.

По лавкам прошёл смешок. Остром дождался тишины.

— Сила зависит от величины вреда, ясности признания и пользы для общего склона. Её нельзя отмерить ковшом.

— Но можно направить, — сказала Яра.

— Можно.

— Кто решает куда?

— Межевой мастер по закону и наблюдению.

— Тот самый мастер, который получает землю, если признающий якобы не исправил склон?

Остром не отвёл взгляда.

— Цех принимает надзор, а не собственность.

Сая подняла синюю тетрадь.

— Здесь написано «передача спорных полос».

— До завершения работ.

— Работы идут тридцать лет.

— Потому что вода продолжает двигаться.

— И каждое наше исправление питает ваш знак, который объявляет работу незавершённой, — сказала Рова.

Остром положил ладонь на кол.

— Без знака верхняя терраса могла бы обрушиться прошлой весной.

— Докажите, — потребовал Даган.

— Докажу осмотром кладки после схода.

Яра слушала и ждала слова, которого он не произносил. Остром подробно говорил о признании, свидетелях, записи и направлении силы. Он ни разу не сказал, что вред должен быть исправлен тем, кто его причинил, для тех, кому причинили.

— А работа где? — спросила она.

— Я только что говорил о работе.

— Нет. Вы говорили о том, как цех принимает силу. Что должен сделать виновник после признания?

— Это определяется разбором.

— Кому он возвращает потерянное?

— Пострадавшей стороне.

— Назовите это правилом вслух.

Остром нахмурился.

— К чему этот торг словами?

Терен поднял расписку Ловена.

— Краст почти умер из-за такого торга. Поставщик признал недовес и внёс разницу в новый груз. Смотритель заверил вес. Сила выросла, хотя прежние покупатели ничего не получили.

— Смотритель не заверял исправление.

— Но связка его приняла, — сказала Яра.

Она сняла полотенце с миски. Росток лежал на земле. Затем Круна встала перед Крастом.

— Я видела, что полынь отсырела, и всё равно пустила её в настой, — сказала она. — Побоялась потерять товар. Я вернула деньги семерым, с двумя договорилась о работе, двоих ещё ищу. Красту верну весь мёд за настой и оплачу три дня, когда он не сможет работать.

— Четыре, — сказал Краст хрипло. — Сегодня я тоже не у ульев.

Круна сжала губы.

— Четыре.

— И новый пузырёк мне не нужен.

— Не дам.

Жилка ростка засветилась, но слабее, чем ночью. Свет держался внутри листа и не тянулся к колу.

— Теперь Ловен, — сказала Яра. — Его здесь нет. Он признался не прежним покупателям. Он не вернул им недовес. Он подмешал корень в новый груз. Однако нить светилась

от его записи сильнее, чем растение от начатого исправления Круны.

Бран наклонился к книге.

— Это можно проверить.

Остром повернулся к нему.

— Как?

— Развязать дорожный ромб с межевой записью. Если сила пришла через печать заставы, на странице останется след.

— Ты не уполномочен вскрывать связку при сходе.

— Тогда вскройте вы.

Впервые за утро Остром замешкался.

— Такие проверки проводят в мастерской.

— Почему? — спросил Фер.

— Потому что при разрыве знак может выбросить накопленную силу.

— Значит, вы знаете, что она там есть.

— Я знаю, что любая заверенная запись может оставить след.

— Даже ложная? — спросила Ниса.

Остром оглядел людей. Он привык говорить с каждым отдельно: владельцу показывать границу, старосте — закон, каменщику — трещину. Теперь все части его объяснений встретились на одной площади.

— Знак не судит человеческую душу, — сказал он наконец. — Он принимает установленную форму: имя, предмет вреда, признание и свидетельство.

— А исправление? — повторила Яра.

— Исправление завершает силу.

— Нет. Мы видели, что сила пришла раньше.

— Незавершённая сила опасна, поэтому цех удерживает её до окончания работ.

— Где это написано? — спросила Сая.

Остром указал на синюю тетрадь.

— В приложениях.

Староста раскрыла тетрадь. Страницы шуршали под её пальцами.

— Здесь есть о надзоре за работами. Есть о временной передаче полос. Есть о долгах зерном и известью. Про право удерживать силу одного человека за работу другого — нет.

Бран протянул руку.

— Можно?

Сая отдала ему тетрадь. Он сверил несколько строк с основной книгой и побледнел.

— В главной записи пропущено условие.

— Какое? — спросил Даган.

— «До возвращения воды в безопасные ходы и возмещения каждым назвавшим свою ошибку нанесённого им вреда». В основной книге осталось только «до полного исправления склонов».

Люди заговорили разом. Остром поднял руку, но на этот раз тишина не наступила.

Яра смотрела на синюю тетрадь. Полная фраза меняла

всё. Не деревня должна была когда-нибудь сделать склон совершенным. Каждый отвечал за собственный вред, а временный надзор заканчивался после конкретных работ. Цех превратил множество конечных долгов в один бесконечный.

— Кто переписал? — спросила она.

— Почерк прежнего старшего, — ответил Бран. — Но под строкой стоит знак принятия всего цеха.

— Ваш знак? — спросила Сая у Острома.

— Я вступил позже.

— Сейчас знак держите вы.

— Сейчас — я.

Это признание прозвучало почти неслышно. Кол под ладонью Острома стал тёплым, и красная нить вспыхнула.

— Не трогайте! — крикнул Бран.

Свет рванулся от кола по площади. Меловой круг вокруг ящика засветился, крышка подпрыгнула. Из щелей вырвалась рыжая пыль. Люди отшатнулись, закрывая лица.

Яра опрокинула миску на землю и накрыла ею ближайший конец нити. Терен бросил на ящик мокрый плащ. Даган выдернул железное кольцо из кладки колодца вместе с куском раствора. Связка провисла, свет ослаб.

— Воду! — крикнул кто-то.

— Не воду, глину! — ответила Яра. — Закройте пыль мокрой глиной.

Ниса уже тащила ведро с размокшей землёй. Они облепили щели ящика. Рыжее свечение погасло, но красная нить

продолжала дрожать под миской.

Остром стоял у кола с обожжённой ладонью.

Терен подошёл к нему.

— Вот ваша безопасная граница.

— Связку перегрузили спором, — сказал Остром сквозь зубы.

— Её перегрузили чужими незаконченными признаниями.

Яра подняла миску. Росток внутри почернел с одной стороны, обращённой к нити. Она оторвала повреждённый лист, положила на камень рядом с заражённым ящиком.

— Больше ни одного признания возле колов, — сказала она.

— Ты не можешь запрещать действие закона, — ответил Остром.

— Закон не требует отдавать силу до исправления. Это сказала синяя тетрадь, ваш ученик и ваш собственный знак.

— Если обесточить межи сейчас, вода сдвинет верхний склон.

— Тогда покажите, какую работу они действительно держат, — сказал Даган. — Не словами. Пройдём от кола к каждой стене.

— И от каждой записи к пострадавшему, — добавила Круна. — Я найду своих двоих. Пусть цех найдёт покупателей Ловена.

Фер сел рядом с отцом. Краст положил руку ему на плечо.

— Мне от Ловена ничего не надо, — сказал пчеловод. — Я у него не покупал.

— Но пострадал ты, — возразил Фер.

— От Круниного настоя. Она исправляет передо мной. Ловен должен тем, кого обвесил, и ей за испорченный товар. Если всё свалить в один долг, никто никому не вернёт точно.

Яра посмотрела на Острома. Простое различие, которое видел больной пчеловод, отсутствовало в цеховой записи. Там признания складывались вместе, а земля переходила к тому, кто обещал управиться с общей виной.

Сая закрыла синюю тетрадь.

— Сегодня мы не решим все межи. Но до проверки никто не подпишет общую вину и не уступит новые полосы.

— Вы не можете приостановить цеховой разбор, — сказал Остром.

— Я могу не поставить знак старосты.

— Тогда я отмечу отказ.

— Отмечайте полностью: отказ вызван пропущенным условием в основной книге и опасной связкой, принявшей ложное исправление.

Бран обмакнул перо.

Остром посмотрел на него.

— Не пиши до моего приказа.

Ученик держал перо над страницей. Потом перевёл взгляд на обожжённую руку старшего, на чёрный лист жарницы и на Краста.

— Свидетельская запись не требует приказа, — сказал он. И начал писать.

Сход продолжался до вечера. Вместо одного решения появилось множество отдельных дел. Даган составил список стен и желобов, откуда межевые колья тянули силу. Круна назвала всю партию Ловена и людей, которым ещё не вернула плату. Сая прочла вслух старую уступку. Ниса сняла размеры плиты и водного хода под домом Яры, не позволяя никому назвать работу законченной до проверки верхнего и нижнего выходов.

Остром не ушёл. Он перевязал ладонь и отвечал на вопросы, иногда резко, иногда честно. Признал, что нынешние связи ставили уже при нём. Отказался признать их незаконными. Повторял, что без единого надзора деревня снова выберет удобство вместо безопасности.

Яра слышала в этом не только желание забрать землю. Остром действительно боялся разрозненных решений. Дом Лады был доказательством: полдеревни однажды спасло его, засыпав воду, и тридцать лет никто не вернулся проверить временную работу.

Но страх Острома не давал ему права превращать всякую ошибку в собственность цеха.

Под вечер они отнесли заражённые травы к глиняной яме ниже соляной тропы. Круна несла ящик, Терен — известь, Яра — лопату. С ними пошли Фер, Бран и двое свидетелей. Они пересчитали свёртки, записали место и засыпали всё

слоями глины и извести.

Круна бросила последнюю лопату земли.

— Я верну остальным до конца недели.

— Запишу не обещание, а срок проверки, — сказал Бран.

— Правильно.

Никакого света не появилось. Земля осталась тёмной и мокрой.

— Почему не растёт? — спросил Фер.

— Потому что это только часть, — ответила Яра. — Вред не исчез от того, что мы спрятали опасный товар. Круне ещё возвращать плату. Ловену — искать тех, кого обвесил. Цеху — отвечать за знак.

— А тебе?

Яра посмотрела вверх, где над деревней чернел её дом.

— Мне — открыть воду. Когда пойму, как не уронить склон.

Это было не признание вины. Пока лишь признание работы.

У дома Ниса ждала её на крыльце. Подпорки стояли ровно, но вода в яме поднялась ещё на палец. Красная нить у двери потускнела после схода. На ней больше не было чужого света.

— Артель прислала человека, — сказала Ниса. — Им нужен ответ завтра утром.

Яра сняла мокрые сапоги.

— Какой ответ ты хочешь дать?

— Хочу поехать.

Слова ударили сильнее, чем Яра ожидала. Она посмотрела на пустые полки, на подпорку у печи, на снятую плиту. Впервые дом нуждался в Нисе именно тогда, когда дочь собралась уйти.

— До весеннего схода воды осталось мало, — сказала Яра.

— Знаю.

— Даган рассчитывает на тебя при осмотре.

— Он сказал, что найдёт другого ученика.

— Другой не знает эту кладку.

Ниса не ответила. В её молчании Яра услышала то, что сама делала весь день: превращала конкретное решение в общий долг, который невозможно выплатить. Если дочь останется до воды, потом понадобится до ремонта, потом до нового дома.

— На сколько уходит артель? — спросила Яра.

— На два года. Зимой вернёмся через перевал, если дорогу не закроет.

Два года. Яра взялась за край стола.

— Я не отвечу сегодня.

— Ответ нужен мне, не тебе.

— Ты права.

Росток жарницы лежал в миске с одним оборванным листом. Яра поставила его у окна, подальше от нити.

— Тогда решай сама, — сказала она. — Но перед отъездом покажи Дагану всё, что нашла в кладке. Не оставайся

из-за моего страха и не уезжай назло ему.

Ниса медленно кивнула.

Ни один лист не расправился. Никакая стена не стала крепче. Яра впервые обрадовалась отсутствию чуда.

Настоящее исправление ещё не началось.

Глава 6. Террасы Крайцев

Утром Ниса ушла отвечать артели, а Яра впервые не спросила, что именно она скажет.

Это оказалось труднее, чем промолчать на сходе перед всей деревней. Там вокруг были люди, бумаги, красная нить и Остром, которому можно было возражать. Теперь в кухне стояли только две кружки. Ниса выпила молоко, положила ломоть хлеба в карман и сказала:

— Вернусь до полудня. Дагану надо показать верхний выход.

Яра едва не ответила, что верхний выход никуда не денется, а человек из артели ждать не станет. Потом едва не сказала обратное: дом может сползти сегодня, поэтому сперва работа. Оба ответа решали за Нису, лишь по-разному.

— Возьми плащ, — сказала она.

— Небо чистое.

— В горах оно об этом быстро забывает.

Ниса взяла плащ. У двери задержалась, будто ждала ещё слов, но Яра занялась ростком жарницы. После вчерашнего выброса на нём осталось три здоровых листа. Она сменила землю, промыла корень и поставила миску туда, где красная нить не касалась стены.

Когда дверь закрылась, стало слышно воду под кухней. Она не текла, а будто ворочалась во сне: глухо ударяла в за-

ложенный камень и затихала.

Яра отметила уровень угольной чертой на подпорке. За ночь вода поднялась на толщину ногтя.

На площади её ждали Бран, Даган и Терен. Сая принесла синюю тетрадь, но идти отказалась: после долгого схода у неё распухло колено. Она села на лавку у старостиного дома и раздала каждому по связке деревянных дощечек.

— На одной стороне пишете, чей участок, — сказала она. — На другой — что случилось, кто сделал и что осталось. Без слов «все», «издавна» и «как положено».

— А если никто не помнит? — спросил Бран.

— Так и пишете: не помнит. Пустое место честнее удобной выдумки.

Бран снял с плеча сумку с цеховой книгой.

— Остром потребовал, чтобы я записывал осмотр только сюда.

— Тогда пиши и туда, и на дощечки, — сказала Сая. — Книгу цех унесёт. Дощечки останутся у тех, чью землю вы смотрели.

— Двойная запись может расходиться.

— Поэтому хозяин участка повторит вслух обе.

Яра ждала, что ученик сошлётся на порядок и уйдёт за старшим. Бран лишь достал чернильницу.

— С какого места начнём?

Даган развернул вчерашний список. Он разделил склон на восемь рядов и отметил тридцать семь межевых колов.

Красная связка тянулась не по прямым границам, а от одного исправленного места к другому. Иногда нить пересекала чужой двор, обходила сухой участок и цеплялась за новую стену или желоб.

— С верхней лесной террасы, — сказал Даган. — Если пойдём снизу, каждый будет рассказывать, что его стену испортила вода соседа. Наверху вода ещё ничья.

— Вода всегда чья-нибудь, когда доходит до дома, — заметил Терен.

— Вот и проверим, когда она успевает получить хозяина. Остром появился, когда они уже поднимались к тропе. Перевязанную ладонь он держал у груди. Второй рукой нёс медный молоток, каким межевики слушали камень.

— Бран, — позвал он. — Книга остаётся в доме цеха.

Ученик остановился.

— Это свидетельский обход.

— Это самовольная перепись владений после незавершённого разбора.

— Мы не меняем владения, — сказала Яра. — Ищем работы, которыми питаются ваши колья.

— Значит, осматриваете цеховые связки. Без мастера это опасно.

— Пойдёмте мастером, — предложил Даган. — Только дощечки останутся хозяевам.

Остром посмотрел на них. После вчерашнего он мог запретить Брану участвовать, закрыть книгу и объявить вся-

кую проверку нарушением. Но тогда деревня пошла бы без него. Яра видела, как он это понял.

— Я веду осмотр, — сказал он. — Если найдём повреждённую связку, никто не трогает её без моего приказа.

— Если найдём человека под камнями, приказа ждать не будем, — ответил Терен.

Остром прошёл мимо.

Первая терраса лежала выше последних домов. Когда-то там росли орешники, теперь остались низкие пни и полоса молодой травы. Земля осела вокруг корней, будто лес выдрали из склона вместе с пальцами.

Участок принадлежал семье Вежей. Старый Марек Веж встретил их у навеса для коз. Его сын погиб на перевале, невестка жила с детьми в городе, и террасу он обрабатывал один. Услышав про дощечки, Марек рассердился.

— Опять хотите записать, что я лес свёл? Мне за это уже дважды между отодвигали.

— Ты свёл? — спросила Яра.

— Мой отец. Ему велели после оползня расчистить место под общий овёс.

— Кто велел?

— Староста.

Сая тогда была девочкой. В синей тетради распоряжение не упоминалось. В цеховой книге стояло: «Вежи признали чрезмерную рубку, передали верхнюю полосу под надзор». Ни имени того, кто рубил, ни года, ни обещанного общего

овса.

— Что сделали после признания? — спросил Бран.

Марек ткнул посохом в край террасы.

— Посадили девять орешников. Семь принялись. Потом цех приказал убрать их от межевого вида. Корни заслоняли колья.

Остром нахмурился.

— Молодые деревья нельзя сажать на водосборе без расчёта.

— А голую землю можно? — спросил Даган.

Они нашли остатки посадки: два живых орешника стояли в стороне от красной нити, пять ям заросли мхом, ещё у двух колов торчали обрубленные корни. Даган вылил на землю кружку воды. На голом месте вода понесла пыль вниз. Под орешником она исчезла в траве.

Яра присела возле межевого кола. В его основании белела тонкая известковая жила. Она шла к обрубленному корню, обвивала его и возвращалась в красную нить.

— Сила не от рубки, — сказала она. — От попытки посадить заново.

Остром ударил медным молотком по колу. Камень отозвался высоким звоном.

— Связка удерживает край террасы.

— Чем? — Даган указал на осыпь. — Камень цел, а почва уходит.

— Без неё ушла бы быстрее.

— Это можно говорить до конца мира.

Бран перелистал старые записи. На следующей странице нашёл распоряжение убрать «самовольную древесную поросль, затемняющую межевые знаки». Под ним стояла печать прежнего старшего и молодой знак Острома — ещё не старшего, а проверяющего мастера.

— Вы видели посадку, — сказал он.

— Видел, — ответил Остром. — Корни могли вывернуть кладку.

— Почему не предложили другое место?

— Потому что решение уже принял старший.

Красная нить у его сапога едва заметно посветлела.

Марек отступил.

— Опять началось.

— Не бойтесь, — сказала Яра. — Это ещё не исправление.

— Знаю. Она светится, когда человек только рот открыл, а платить потом мне.

Яра взяла дощечку. На первой стороне написала: «Терраса Вежей, верхняя». На второй уместились короткие строки: лес вырублен отцом Марек по устному распоряжению ради общего посева; Марек с семьёй посадил девять орешников; семь прижились; по приказу цеха пять вырублены, два остались; голая почва продолжает уходить; нужно выбрать безопасные места и восстановить корни.

— Чья ошибка? — спросил Марек.

— Здесь несколько, — ответила Яра. — Твой отец выру-

бил, но, возможно, выполнял общий приказ. Деревня не вернула лес. Цех уничтожил часть новой посадки. Пока не узнаем больше, ни одна из них не становится твоей целиком.

— А земля?

— Твоя запись о владении от этого не исчезла.

Бран прочёл вслух то же самое из книги. Там не было слов о передаче земли. Марек повторил обе записи и забрал досочку.

Кол не засветился. Зато один из оставшихся орешников дрогнул без ветра, и с листьев посыпались капли ночной воды.

— Он слышал? — спросил Бран.

— Мы ничего не исправили, — сказала Яра. — Просто перестали кормить камень чужой работой.

На второй террасе стояла длинная подпорная стена. Её сложили из тёмного сланца, а середину недавно переложили светлым камнем. Красная нить входила в новый раствор тремя тонкими усами.

Хозяйка, вдова Тая Орш, сперва не пустила их за ворота.

— В прошлом месяце я уже призналась, — сказала она. — Больше нечего.

— В чём? — спросил Терен.

— В том, что пустила воду мимо желоба и размыва стену.

Она произнесла заученные слова быстро, не глядя ни на кого. Нить в растворе вспыхнула. Свет побежал к межевому колу.

Остром поднял здоровую ладонь.

— Не повторяйте признание у связки.

— Теперь говорите, — сказала Яра Тае, — кому вода причинила вред.

— Мне. Чей же это огород?

Даган обошёл стену и спустился к нижней террасе. Там под серой осыпью торчал угол деревянного корыта. Хозяин нижнего участка, гончар Велим, вышел из мастерской и молча показал треснувшую печь. Одна сторона фундамента просела. Тая отвела глаза.

— Печь треснула той же ночью? — спросил Бран.

— Через два дня, — ответил Велим. — Она говорила, что моя глина сама поплыла.

— Ты строил слишком близко к стене, — сказала Тая.

— Потому что границу три года назад сдвинули к мастерской.

В книге обнаружилось признание Таи и запись: «Исправлено укреплением стены». Ни слова о воде, ушедшей к гончару, и о печи. За работу заплатила Тая, кладку делали Ниса с Даганом. Сразу после этого межа отступила на локоть от сада Таи и настолько же вошла в участок Велима: цех объяснил сдвиг выравниванием безопасной полосы.

— Вы укрепили место, откуда начался вред, — сказал Терен. — Но не то место, куда он пришёл.

— Я не могу купить ему новую печь, — огрызнулась Тая. — У меня после ремонта ничего не осталось.

— Я просил не новую, — ответил Велим. — Просил помочь поднять старую. Ты не пришла.

— Потому что на следующий день сломала руку.

— А через месяц?

Тая прижала повреждённую руку к переднику. Пальцы срослись плохо и не сгибались до конца. Яра знала: первое время женщина действительно не могла носить камень. Потом просить помощи стало стыдно, а признание на бумаге позволило считать дело закрытым.

— Что нужно печи сейчас? — спросила Яра.

Велим провёл ладонью по трещине.

— Разобрать угол, подсыпать основание, переложить. Два человека на три дня. Камень у меня есть.

— Если Даган даст работника, я буду подавать раствор, — сказала Тая.

— С такой рукой?

— Левой.

Она сказала это сердито, как вызов. Свет в стене стал ярче, и один ус нити натянулся к колу.

— Пока не начинайте, — предупредила Яра. — Сначала отвяжем вашу работу от цехового камня. Иначе вы поднимете печь, а сила опять уйдёт в межу.

— Тогда когда?

Остром осмотрел известковые усы.

— Их можно закрыть глиняными втулками. Временно. Если стена ослабеет, снимем.

— Вы поможете? — удивился Бран.

— Я не собираюсь ждать, пока самовольный разрыв обрушит две террасы.

Он попросил у Яры глины, у Дагана — тонкое зубило. Работал одной рукой, медленно. Бран держал светильную пластинку, хотя солнце уже стояло высоко. Остром очистил три канавки, обернул каждый ус сырой глиной и вставил между связкой и новым раствором плоские каменные чешуйки.

Красный свет остался в коле, но стена потемнела, будто отпустила задержанное дыхание.

— Теперь, — сказал Остром, — если кладка начнёт звенеть, зовите меня.

— А если не начнёт? — спросила Тая.

— Поднимайте печь.

Яра записала на дощечке: вода Таи размыла основание печи Велима; стена Таи восстановлена, вред Велиму не нанесён; граница сдвинута после неполного исправления; Тая обязуется три дня работать левой рукой, Велим принимает помощь; вопрос о границе остаётся открытым.

— Не «обязуется», — сказал Велим. — Напишите «предложила». Если завтра рука распухнет, её обещание опять станет долгом, который камень присвоит.

Яра стёрла слово песком.

Тая впервые посмотрела на соседа.

— Если распухнет, найду человека вместо себя.

— Тогда запишем после того, как найдёшь.

На третьей террасе они увидели, как одна ошибка переходит через три поколения и всё равно остаётся чьей-то конкретной работой.

Там росли сливы семьи Гов. Между деревьями шёл старый водный жёлоб, наполовину забитый черепками. Вода сворачивала на тропу, зимой замерзала и сбрасывала людей к нижней стене. В цеховой книге значилось: «Говы признали засорение общего хода; восточная полоса передана для очистки». Полоса уже двадцать два года считалась цеховой. Жёлоб оставался забит.

Мира Гов, молодая мать с ребёнком за спиной, ничего о признании не знала.

— Мой дед умер до моего рождения. Отец погиб в каменоломне. Я не стану признаваться за них.

— И не должна, — сказала Яра.

— Но чистить всё равно тебе, — заметил Даган. — Вода идёт через твой сад.

— Почему мне? Цех забрал полосу для очистки.

В этом и заключалась ловушка. Семья потеряла право работать на переданной земле, а цех не очистил жёлоб, потому что ждал полного исправления склона. Каждый новый хозяин видел чужую полосу и считал чужой воду. Зимой падали все.

Терен вытащил из желоба первый черепок. На нём сохранилась синяя глазурь.

— Это не мусор Говов, — сказал он. — Такие горшки

делала старая мастерская у площади.

Велим, пошедший с ними после второй террасы, узнал знак своего деда. После большого оползня разбитую посуду возили наверх укреплять размокшие тропы. Черепками засыпали жёлоб намеренно.

— Значит, мой дед виноват? — спросил он.

— Он мог выполнять приказ, как отец Марека, — ответил Бран.

— И снова никто не записал приказ.

Они очистили два локтя, чтобы понять устройство хода. Под черепками лежали ветки, поверх — спёкшаяся глина. Это была не случайная куча, а временная плотина. Вода должна была уйти по тропе, пока нижние террасы чинили после оползня. Нижние террасы давно стояли. Плотину не убрали.

Остром нашёл в книге отметку о ежегодной плате за надзор. Говы отдавали цеху две корзины слив. Последние семь лет Мира платила сама.

— За что надзирали? — спросила она.

— За безопасностью водного хода, — прочёл Бран.

Мира сняла ребёнка со спины и передала матери, вышедшей из дома.

— Тогда сегодня вы чистите со мной.

Остром закрыл книгу.

— Без расчёта выпускать воду нельзя. Ниже треснувшая печь и свежая стена.

— Вот и рассчитайте, — сказала Мира. — За двадцать две корзины слив.

— Двадцать две пары, — поправила её мать. — По две каждый год.

Остром посмотрел на склон. Яра ожидала отказа. Но он снял серый кафтан, сложил его на камень и попросил Дагана принести мерную чашу.

Они не стали разбирать плотину целиком. Вычистили узкую щель, пустили одну чашу воды и засекли, где она выйдет. Вода прошла под сливами, показалась возле стены Таи и исчезла в трещине выше гончарной мастерской.

— Если открыть ход, он добавит воду к печи, — сказал Терен.

— Пока не восстановим отвод ниже, — согласился Даган.

— Значит, Говы опять будут ждать? — спросила Мира.

— Нет, — ответила Яра. — Теперь первой работой становится нижний отвод, потому что он мешает закончить верхний. Не вся деревня и не весь склон. Вот эта трещина, эта канава и этот жёлоб.

Она разложила три дощечки на камне. Работы впервые сложились не в общую вину, а в порядок: укрепить основание печи, вывести воду мимо мастерской, затем открыть плотину в саду Говов и вернуть семье полосу, взятую для уже выполненной очистки. Если при открытии обнаружится новый вред, его запишут отдельно.

— Вернуть полосу может только разбор, — сказал

Остром.

— Тогда у разбора теперь есть условие, которое можно выполнить, — ответила Яра. — Не «когда весь склон станет безопасным», а когда вода пойдёт по этому ходу и не разрушит эту печь.

Бран переписал порядок в книгу. Остром не остановил его.

К полудню за обходом шло уже полдеревни. Люди приносили свои записи и спорили, какая работа была первой. Яра перестала выслушивать рассказы на ходу. У каждого участка она задавала одни и те же вопросы.

Что произошло?

Кому стало хуже?

Кто сделал это сам, а кто исполнял чужое решение?

Что уже исправили?

Что осталось сделать и кто имеет право принять эту работу?

Иногда ответ занимал минуту. Иногда люди кричали так, что приходилось расходиться на разные края террасы. На участке мельника выяснилось, что он углубил канаву и лишил соседский колодец воды, зато спас общую тропу от размыва. Нельзя было просто засыпать канаву. Нужно было отвести часть потока обратно к колодцу.

У пастушьего двора семья признала, что козы объели молодой склон. Цех забрал полосу под восстановление и посадил колючий куст, который не держал землю, зато не пус-

кал животных. Настоящее исправление начали дети пастухов: таскали дёрн из низины и приживляли его между камнями. Красная нить питалась их работой, хотя признание принадлежало отцу.

У Ровы межевой кол отнимал силу у новой изгороди, поставленной после того, как её коза испортила сад соседки. Сад был возмещён саженцами. Соседка считала долг закрытым. Цеховая запись всё ещё называла полосу спорной.

— Кто должен принять исправление? — спросил Бран.

— Я, — сказала соседка. — Мои яблони съели.

— Принимаете?

— Три года как. Новые уже выше забора.

Остром собственноручно поставил на полях книги знак завершения. Нить у изгороди потускнела. Рова схватилась за столб, потому что тот качнулся: сила, уходившая в межу, вернулась в дерево слишком резко. Даган закрепил его верёвкой.

— Даже правильное возвращение может сломать то, что долго держали чужим, — сказал Остром.

— Значит, возвращать надо руками, — ответила Яра. — Не одной печатью.

Остром ничего не сказал. Он помог Дагану поставить подпорку.

На пятой террасе их догнала Ниса. Плащ был перекинут через плечо, волосы растрепал ветер. Яра посмотрела на её лицо и не смогла понять, плакала ли она или просто быстро

шла.

— Я согласилась, — сказала Ниса.

У Яры внутри стало пусто, как в вынутом корне.

— Когда уходишь?

— Через одиннадцать дней. Они дадут мне три дня на передачу работ Дагану, остальные нужны на сборы и дорогу до перевала.

— Хорошо.

Это слово прозвучало неправдой. Ниса услышала.

— Тебе не хорошо.

— Мне плохо. Но ты спросила не разрешения.

— Я вообще не спрашивала.

— Тогда мне плохо, и это не меняет твоего ответа.

Красная нить, проходившая вдоль стены, осталась тёмной. Ниса выдохнула.

— Покажите, что нашли.

Даган отдал ей дощечки. Она быстро поняла порядок работ у сливового сада, поправила размер нижнего отвода и нарисовала на обороте схему. Потом они дошли до старой лестницы между пятой и шестой террасами.

Три ступени там просели. В книге цеха лестница числилась исправленной восемь лет назад после признания каменщика Дагана: он положил слишком узкие плиты, одна перевернулась под ногой женщины. Даган заменил ступени за свой счёт. Красная нить всё равно уходила из лестницы к колу.

— Кто пострадал? — спросила Ниса.

— Моя мать, — ответил Бран.

Все посмотрели на него.

— Она сломала бедро. После этого ходила с палкой. Даган принёс деньги и три месяца рубил нам дрова. Мать приняла его работу.

— Почему в книге нет? — спросил Даган.

Бран провёл пальцем по странице.

— Есть признание. Есть замена ступеней. Возмещения нет.

— Ты тогда уже учился в цехе.

— Первый год.

— И не вписал?

Бран побледнел.

— Я принёс старшему слова матери. Он сказал, что семейное свидетельство ненадёжно, и велел найти двух посторонних. Я не нашёл. Потом мать умерла.

Нить в лестнице вспыхнула.

— Не подходите, — сказал Остром.

Но свет не рванулся к колу. Он собрался вокруг ног Брана и Дагана, застрял в растворе между ступенями.

— Что теперь? — спросил Даган. — Мне ждать, пока покойная подтвердит?

Бран закрыл глаза.

— Нет. Моя ошибка была не в том, что я не нашёл свидетелей. Я решил, что приказ старшего важнее слов человека,

которому причинили вред. Мать приняла твою помощь. Я это слышал и не настоял на записи.

Он опустил на колено, вынул нож и начал соскабливать с книжной застёжки старый цеховой воск.

— Что ты делаешь? — спросил Остром.

— Исправляю запись. Укажу, что пострадавшая приняла возмещение при мне. И что я скрыл свидетельство, когда согласился назвать его ненадёжным.

— Ты не можешь быть одновременно виновником и единственным свидетелем.

— Даган слышит моё признание. Ниса и Яра тоже. А слова матери подтверждаются тем, что он три месяца рубил нам дрова. Полдеревни видело.

Даган сел на верхнюю ступень.

— Я думал, вы не приняли. Потому лестницу и держат спорной?

— Потому я не довёл запись.

— Тогда сначала допиши. Потом вместе проверим каждую плиту. Если узкие — заменю снова. Не ради цеха.

Бран дописал строку. Даган приложил к ступеням мерную рейку. Две плиты были достаточно широки, третья выступала меньше положенного на два пальца. Не ошибка восьмилетней давности — край откололся прошлой зимой.

Ниса показала, как вынуть одну плиту, не разбирая лестницу. Бран взялся принести камень из цехового запаса: все эти годы семья платила сбор за незавершённый спор. Даган

обещал работу. Яра записала не обещания, а имена и день проверки.

Когда они поднялись, раствор под ногами стал тёплым. Свет прошёл не к межевому колу, а вдоль трёх ступеней. Трещины не исчезли, камень не вырос. Просто каждая плита легла плотнее и перестала дрожать.

— Вот что должна была держать сила, — тихо сказал Бран.

Остром ударил молотком по верхней ступени. Звук вышел чистым.

— До замены края лестница остаётся под наблюдением, — сказал он.

— Под наблюдением, — согласился Даган. — Не во владении.

Они дошли до нижних террас перед закатом. Там вода собиралась из всех верхних ходов, и на земле проступала карта чужих решений. Светлая глина означала старые засыпки, чёрный ил — забытые канавы, свежая осыпь — работу этой весны. Красная нить соединяла не самые опасные места, а те, где люди уже что-то исправили.

Яра разложила на плоском камне двадцать девять дощечек. Только на четырёх вред и исправление совпадали полностью. Девять работ были закончены жителями, но не приняты цехом или пострадавшими. Семь исправлений помогли одному месту и навредили другому. В пяти случаях никто уже не знал, кто принял решение. Ещё четыре участка,

включая дом Яры, нельзя было чинить по отдельности: выпущенная вода прошла бы через чужие стены.

— Это не одна вина Крайцев, — сказала Ниса.

— И не тридцать семь отдельных бед, — добавил Даган.
— Здесь есть порядок.

Он переставил доски. Сначала нижние отводы. Потом печь Велима и стена Таи. Затем сливовый жёлоб. После него верхние посадки. Дом Яры оказался почти в конце: прежде чем открыть воду под кухней, требовалось расчистить два нижних хода и укрепить поворот у мастерской.

Яра смотрела на свою досочку. Утром ей казалось, что весь склон держится на её решении о доме. Теперь стало видно другое. Дом был настоящей опасностью, но не единственной и не первой работой. Его нельзя было использовать как оправдание для захвата всех земель. Нельзя было и прятаться за остальными долгами, чтобы никогда его не разобрать.

— Сколько времени? — спросила она.

Даган прикинул людей и камень.

— Если без цеховых запретов — восемь дней до безопасного открытия верхнего хода. Если найдём гниль под мастерской — больше.

— Артель уходит через одиннадцать, — сказала Ниса. — Я успею помочь с расчётами, но не со всем камнем.

Яра хотела попросить её остаться хотя бы до открытия воды. Слова уже поднялись к горлу. Она прижала пальцы к досочке и спросила:

— Что ты успеешь передать за три дня?

Ниса села рядом и перечислила: размеры нижнего отвода, устройство глиняных втулок, расчёт поворота, признаки движения стены. Даган слушал и спорил. Они не делали вид, что без Нисы будет так же легко. Они превращали её уход не в вину, а в работу, которую можно передать.

Терен тем временем осматривал ладонь Острома. Под повязкой ожог налился пузырями.

— Нужно вскрыть и промыть, — сказал он.

— После записи.

— Рука не читает цеховых порядков.

— А ваша усиленная жарница?

— Сегодня обойдётся чистой водой и льняной мазью.

Остром протянул ему руку. Яра заметила, как осторожно Терен снял прилипшую ткань. Вчера они стояли по разные стороны спора. Сегодня лекарь лечил старшего, не требуя сначала правильных слов.

— Что вы напишете в главной книге? — спросила Яра.

Остром посмотрел на разложенные дощечки.

— Что деревня провела осмотр без утверждённой меры безопасности.

Бран замер.

— И что осмотр выявил двадцать девять отдельных дел, — продолжил Остром. — Четыре можно закрыть после проверки. Девять требуют принятия уже выполненной работы. По остальным назначить повторный обход.

— А переданные полосы?

— Не возвращаются одной прогулкой.

— Я и не прошу одной прогулкой. Я прошу записать, за какую работу взяли каждую.

— Если основания нет в книге, его придётся восстанавливать по свидетельствам.

— Значит, восстановим.

Остром помолчал.

— Общую уступку до конца проверки расширять не буду.

— А красную нить?

— Связку нельзя снять целиком перед таянием.

— Она крадёт силу у законченных исправлений.

— Тогда будем отделять их по одному, как стену Таи. Под наблюдением.

Это не было согласием с Яррой. Остром по-прежнему оставлял за цехом последнее слово. Но утром он требовал одну общую вину и одну передачу земли. К вечеру согласился назвать двадцать девять разных дел.

С нижней тропы донёсся треск.

Все обернулись. Один из межевых колов накренился. Красная нить, лишившаяся подпитки изгороди Ровы и лестницы Дагана, провисла между камнями. Земля вокруг кола осталась целой. Ни одна стена не дрогнула.

Остром быстро спустился, проверил молотком основание и выкопал из-под кола ком извести. В нём переплелись тонкие красные жилки.

— Он стоял не на скале, — сказал Бран.

— На чём? — спросила Ниса.

Яра разломил ком. Внутри лежали деревянные щепки с вырезанными именами. Некоторые она узнала: Рова, Даган, Марек Веж. Были и имена умерших.

— На признаниях, — ответила она. — Даже не на исправлениях. На записях о них.

Остром взял одну щепку. На ней было имя его прежнего старшего.

— Эти закладки запрещены, — сказал Бран.

— Сейчас запрещены, — поправил Остром. — После обвала их использовали как временную меру.

— Опять временно, — произнесла Ниса.

Никто не стал вытаскивать остальные щепки. Если кол действительно держался на них, резкий разбор мог натянуть соседние связки. Даган огородил место. Бран записал находку в главную книгу и на отдельную дощечку. Остром приложил свой знак без возражений.

Солнце ушло за хребет. На террасах зажигались окна. Сверху Крайцы выглядели не цельной каменной лестницей, а множеством маленьких участков, где вода, корни и человеческие решения переходили границы. Нельзя было исправить один двор, не посмотрев, куда уйдёт вода. Но это не означало, что вся деревня виновата во всём.

Яра собрала дощечки в четыре связки по порядку работ. Одну отдала Дагану, вторую — Брану для сверки, третью по-

несла Сае. Четвёртая состояла из записей тех, чья работа уже была принята пострадавшими. Утром их следовало отделить от красной нити руками, а не печатью.

Ниса взяла у неё самую тяжёлую связку.

— Я сказала человеку из артели, что уйду только после передачи расчётов.

— Он согласился?

— Сказал, что хороший каменщик не бросает другим непонятную стену.

— Умный человек.

— Ты сердишься?

— Да.

Ниса вскинула голову.

— На тебя?

Яра посмотрела на дом над тёмной полосой сада. Хотелось сказать, что она сердится на время, на воду, на городскую артель и на себя. Это было бы правдой, но слишком общей, чтобы что-нибудь значить.

— На себя. Я столько лет учила тебя замечать плохую кладку, а теперь хочу, чтобы ты сделала вид, будто не заметила открытую дорогу.

— И что ты с этим сделаешь?

— Помогу собрать инструменты. И не спрячу твою дорожную сумку.

Ниса улыбнулась, но глаза у неё блеснули.

Никакая нить не засветилась. До исправления оставалось

одиннадцать дней и одна сумка.

Они пошли домой по террасам, на каждой из которых теперь лежала не вина, а точная работа.

Глава 7. Чужое раскаяние

Утром у старостиного дома поставили стол, а на столе разложили тридцать одинаковых листов.

Яра увидела их издали и сразу поняла, что вчерашний обход Остром прочёл иначе, чем деревня. На каждом листе красной краской был выведен знак склона: три ступени, переречённые струёй воды. Ниже оставили место для имени и отпечатка ладони.

— Что это? — спросила Мира Гов.

Остром стоял за столом в сером кафтане. Обожжённая рука была перевязана чисто. Рядом Бран раскладывал дощечки вчерашнего обхода, но не смотрел людям в глаза.

— Временное согласие на восстановительные работы, — ответил Остром. — Оно позволит открыть общий запас камня, снять запрет на расчистку водных ходов и отделить безопасные связки от спорных.

— Читайте всё, — сказала Сая со своей лавки.

Остром взял верхний лист.

— «Я, житель Крайцев, признаю долю вины своего двора в чрезмерной вырубке верхнего склона, перекрытии водных ходов и последующем вреде террасам. Принимаю обязанность участвовать в общем исправлении и до его завершения доверяю Межевому цеху направлять возникающую силу».

Люди заговорили. Кто-то возмутился последней строкой, кто-то, наоборот, спросил, когда выдадут камень. После вчерашнего обхода всем хотелось начать работу. Остром предлагал открыть склад немедленно, и это делало лист опаснее прямой угрозы.

— Мой двор тогда не существовал, — сказала Мира. — Дед был ребёнком.

— Речь не о личной вине, — объяснил Остром. — Двор наследует землю вместе с последствиями решений.

— Но написано «признаю вину».

— Долю вины двора.

Марек Веж взял лист двумя пальцами.

— Мой отец рубил лес по приказу. Если подпишу, выйдет, что он сам решил.

— Подробности сохраняются в отдельных делах. Общий лист нужен, чтобы сила начала работать на склон сейчас.

Красная нить у края площади дрогнула, хотя никто ещё не поставил отпечаток.

Яра подошла к столу.

— Вчера мы выяснили, что общая запись прячет настоящие работы. Сегодня вы предлагаете такую же, только короче.

— Вчера мы выяснили, что эти работы зависят друг от друга. Без общего основания цех не имеет права выдать запас и менять связки.

— Измените основание.

— Закон не меняют за утро.

— Зато признание хотите получить до завтрака.

Остром постучал здоровыми пальцами по листам.

— До дождей четыре, возможно, пять дней. Нижний отвод требует двенадцать мер камня. У деревни есть три. На складе цеха — сорок. Хотите спорить о словах, пока вода поднимается под вашим домом?

Он выбрал точное место для удара. Яра утром снова отметила уровень: ещё полногтя. Если ливень придёт раньше расчёта, старый ход найдёт выход сам.

— Камень нужен, — сказала она. — Чужая вина не нужна.

— Тогда предложите запись, которую примет связка.

Яра посмотрела на Брана.

— Связка принимает форму, а не правду. Вы сами это сказали на сходе.

— Поэтому форму нельзя оставлять пустой, — ответил Остром.

К столу подошёл Велим. На ладонях у него засохла глина: он уже готовил основание печи.

— Если подпись даст камень, я подпишу. Мне всё равно, кто вырубил лес.

— А цеху не всё равно, — сказала Яра. — Лист связывает будущую работу с правом направлять силу. Ты починишь печь, Мира откроет жёлоб, Марек посадит орешники, а кол получит всё сразу. Потом нам скажут, что общее исправление ещё не завершено.

— Моя печь ждать не может.

— Не может.

Яра взяла чистую дощечку и написала: «Велиму — двенадцать мер камня из общего запаса для основания печи и нижнего отвода». Подала Остроуму.

— Вот основание.

— Это просьба.

— Нет. Ваша запись говорит, что цех двадцать два года надзирал за водным ходом и брал плату. Камень нужен для работы, которую надзор не завершил.

Мира принесла свою дощечку. Рова — свою. Вскоре перед Остроумом лежала цепочка вчерашних записей: каждая называла участок, вред и следующую работу.

— Эти дощечки не имеют силы складского требования, — сказал он.

— Поставьте знак, — предложил Бран.

Остром медленно повернулся к ученику.

— На двадцати девяти частных записях?

— Сегодня нужны четыре. Нижний отвод, печь, глиняные втулки и лестница. Остальные потом.

— И каждый раз собирать свидетелей, проверять владение, мерить работу? Вода быстрее ваших дощечек.

— Общая вина была быстрее тридцать лет, — сказала Сая. — Вода всё равно под кухней Яры.

Остром не успел ответить. Со стороны верхней тропы прибежал мальчик лет десяти, внук Марека. Он тащил ещё

один лист, уже испачканный красной краской.

— Дед, я сделал, — похвастался он. — Дядя у склада сказал, кто первый подпишет, тому дадут саженцы.

На листе вместо имени стоял неровный знак семьи Вежей и отпечаток маленькой ладони.

Марек побелел.

— Кто дал тебе краску?

— Межевик у верхнего кола.

Остром вырвал лист из рук мальчика.

— Детские отметки недействительны.

Но красная нить вспыхнула.

Свет прошёл через площадь и рванул вверх, к вырубленной террасе. Мальчик вскрикнул: красная краска на ладони стала горячей. Яра схватила его за запястье и окунула руку в ведро у колодца. Вода зашипела.

— Не тереть, — приказал Терен, пробираясь сквозь толпу. — Держи в воде.

Остром прижал лист к камню медным молотком. Бран перерезал восковую нитку, которой бумага была связана с маленькой щепкой. Свет погас. На ладони ребёнка остался знак из трёх красных ступеней.

— Кто стоял у склада? — спросил Остром.

— Не знаю имени, — ответил мальчик. — Молодой, с кривым ухом. Он сказал, отец деда рубил деревья, значит, наш двор должен первым покаяться.

Марек поднял посох.

— Я ему ухо выпрямлю.

— Сначала найдём, — сказал Остром. — Бран, закрой склад.

— Вы сами принесли эти листы, — напомнила Яра.

— Я не приказывал собирать детские знаки.

— Но написали признание за двор. У двора нет рта. Поэтому любой, кто живёт под одной крышей, показался вашему человеку подходящим.

Терен вынул руку мальчика из воды. Ожога не было, только красная полоса, но пальцы дрожали.

— Что ты признал? — спросила Яра.

— Что прадед вырубил лес.

— Ты видел?

— Нет.

— Ты знаешь, зачем он это сделал?

— Дед говорит, ему велела деревня.

— Какой вред причинил ты?

Мальчик испуганно посмотрел на Марека.

— Никакой.

— Значит, тебе не в чем признаваться за прадеда. Ты можешь помочь посадить новый лес, если хочешь. Это будет твоя работа, не твоя вина.

Красный знак на ладони побледнел.

Среди людей кто-то произнёс имя умершего. Потом другое. В Крайцах почти у каждого был предок, таскавший камни после большого обвала, рубивший верхний лес или засы-

павший воду. Общий лист предлагал живым назвать эти решения своими, не зная ни приказов, ни страха тех дней.

— А если мёртвые действительно ошиблись? — спросила Мира. — Вода от этого не перестала течь.

— Ошибка остаётся фактом, — ответила Яра. — Но признать её может только тот, кто сделал и понимает, что сделал. Мы можем увидеть последствия и исправить их сейчас. Не надо лгать земле, будто помним чужими глазами.

— Удобно, — сказал один из пастухов. — Значит, никто не виноват, потому что виновные умерли.

— Нет. Если ты сегодня пускаешь коз на голый склон, это твоё. Если твой дед пустил своих и умер, его признания уже не будет. Но склон всё равно надо закрыть дёрном. Работа переходит к нам, вина — нет.

— Почему сила дастся на работу без признания?

— Может, не дастся, — сказала Яра. — Тогда будем работать обычными руками.

Люди притихли. Магия облегчала тяжёлое: корни входили глубже, раствор быстрее схватывался, камень держал больше собственного веса. Отказ от чужого признания означал не только нравственную чистоту. Он означал таскать больше, ждать дольше и рисковать, что молодой лес не переживёт сухое лето.

Остром поднял испорченный лист.

— Склон не различает, чьи руки исправляют старый вред.

— Различает, — возразила Яра. — Вчера лестница при-

няла работу Брана, когда он назвал свою ошибку. Но орешник Марека не потребовал от внука каяться за прадеда.

— Один случай не правило.

— Тогда проверим без ребёнка.

Они поднялись на верхнюю террасу. У склада действительно никого не было. Дверь оставили открытой, внутри лежали саженцы орешника — тонкие прутья с корнями в мокрой мешковине. На косяке Остром нашёл связку чистых листов и коробочку красной краски.

— Это сделал цеховой человек, — сказал Бран.

— Или тот, кто взял цеховой плащ, — ответил Остром.

Следы вели от склада к межевому дому, но на камне терялись. Остром послал двух учеников искать кривоухого сборщика и выставил у двери Брана.

— Без знака старшего ничего не выдавать.

— Выдадите четыре меры сейчас? — спросил Велим, пришедший следом.

— Вам нужно двенадцать.

— Четыре унесём сегодня. Остальное после проверки основания.

Остром взглянул на его дощечку, потом поставил маленький знак в углу.

— Четыре. Под запись расхода, не признания.

Велим позвал помощников. Камень впервые вышел со склада не за обещание общей вины, а под названную работу.

Яра тем временем развязала мешковину на саженцах.

Корни были живые, но уже подсыхали.

— Их надо посадить сегодня.

— Без общего признания связка не примет посадку, — сказал Остром.

— Пусть не принимает.

Марек выбрал полосу ниже двух старых орешников. Даган проверил, не повредят ли корни кладку. Ниса нанесла на землю места будущих ям, оставив проход для воды. Работать пришли дети, потом их родители. Никто не произносил слов вины. Каждый называл только действие.

— Я копаю яму в стороне от водного хода.

— Я смешиваю землю с листовым перегноем.

— Я ставлю плетень, чтобы козы не объели побеги.

Слова были простыми и не давали света. Лопаты натыкались на камень. Корни приходилось расправлять пальцами. За первый час посадили всего три деревца.

— С признанием управились бы быстрее, — пробормотал пастух.

— Признай свою козу, которая вчера вошла сюда, — предложила Мира.

— Не входила.

— Тогда копай.

У четвёртой ямы нашли уголь и обгоревший корень. Марек вспомнил рассказ отца: лес не просто рубили. После оползня деревья сожгли, потому что боялись короеда. Огонь ушёл по сухой подстилке и погубил больше, чем собирались

расчистить.

— Отец говорил, они поздно пустили встречный пал, — сказал Марек. — Но кто именно зажёт первый огонь, не знаю.

Остром раскрыл книгу. В ней была только «чрезмерная вырубка».

— Почему скрыли пожар? — спросил он.

— Чтобы город не потребовал плату за лес. После обвала платить было нечем.

— Ты знал и молчал.

— Знал рассказ, не видел пожар. Если хочешь моё признание, вот оно: когда семь орешников велели убрать, я подчинился. Мог позвать деревню и спорить. Не позвал, потому что боялся потерять остальную землю.

Красная нить у кола зажглась.

Марек продолжил:

— Мой вред — пять срубленных молодых деревьев, а не весь старый лес. Исправлю его пятью новыми и помогу ещё с двумя, потому что склон нужен моим внукам.

Он взял саженец. Вместе с мальчиком опустил его в яму и засыпал корни. Когда они вылили ведро воды, на тонком стволе набухла почка. Свет остался в живом дереве и не ушёл к колу.

— Вот различие, — сказала Яра. — Марек назвал своё. Остальное сделал не из раскаяния за мёртвых, а потому что здесь живёт.

Остром присел у кола и коснулся нити молотком. Она была холодной.

— Посадка не укрепит склон до осени.

— Поэтому поставим плетень и уложим дёрн. Магия не заменит время.

К полудню посадили девять орешников — столько же, сколько семья Вежей когда-то посадила после рубки. Пять считались исправлением Марека, четыре были общей работой. Яра настояла, чтобы это записали разными строками.

Остром поставил знак под обеими.

Ни один лист с общей виной больше не лежал на столе. Сая собрала их в стопку, перечеркнула последнюю строку и велела использовать оборот для расхода камня.

Кривоухого сборщика нашли после полудня у нижней заставы. Это был Лут, временный писарь, пришедший с Остромом. Он не отрицал, что давал листы детям и обещал саженцы первым подписавшим.

— Нужно было собрать согласие быстро, — объяснил он.

— Старший сказал, без общей записи склад не откроется.

— Я не велел принимать знаки несовершеннолетних, — сказал Остром.

— Вы велели получить дворы. Мальчик назвал знак двора.

Лут говорил спокойно. Для него между человеком и двором действительно не было разницы. В книге жили не Яра, Марек и Мира, а участки, долги и переходящие обязанности.

— Ты видел, как обожгло ребёнка? — спросил Терен.

— Не ожидал. Такие листы используют в трёх долинах.

— Где ещё дети признаются за умерших? — спросил

Бран.

Лут пожал плечами.

— Обычно ставит старший в семье. Но если двор согласен...

— Двор не согласен, — перебил Марек. — У камней нет ладоней.

Остром снял с Лута цеховую застёжку и приказал ему оставаться в межевом доме до разбора. Это было правильно и всё же недостаточно. Писарь исполнил смысл приказа, доведя его до жестокого конца.

— Листы ваши, — сказала Яра Острому. — Слова ваши. Если наказать только Лута, завтра другой решит, что подпись вдовы годится за мужа, а подпись дочери — за мать.

— Что вы предлагаете?

— Новую строку в книге. Нельзя признавать ошибку за умершего, отсутствующего, ребёнка или весь двор. Можно принять работу по устранению оставшегося вреда без наследования вины.

— Межевой цех не меняет закон одной деревней.

— Тогда запишите местное правило до большого разбора.

Бран уже держал перо.

Остром посмотрел на посаженные деревья. Девять тонких стволов стояли на ветру без свечения. Они были слабее вол-

шебно усиленного леса, но каждый корень принадлежал самому дереву, а не красной нити.

— До разбора запрещаю принимать признания за третьих лиц и общие признания дворов, — сказал он. — Работы по старому вреду записывать отдельно от личной вины исполнителей.

— И сила работы остаётся в работе, — добавила Яра.

— Если не требуется для немедленного удержания общей стены.

— Кто решает?

— Мастер при свидетелях. С причиной в записи.

Это оставляло цеху лазейку. Но теперь у каждой такой передачи должна была быть причина, которую можно оспорить, а не бесконечная вина предков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.